

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 38

1989

Вячеслав КОСТИКОВ

БЛЕСК И НИЩЕТА НОМЕНКЛАТУРЫ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 38

Издается с января 1925 года

Вячеслав КОСТИКОВ

БЛЕСК И НИЩЕТА НОМЕНКЛАТУРЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Вячеслав КОСТИКОВ

Костиков Вячеслав Васильевич родился в 1940 году в Москве. Окончил факультет журналистики Московского университета и Академию внешней торговли. Обозреватель Агентства печати Новости. Длительное время работал за границей, главным образом во Франции, в ЮНЕСКО. Публицист, писатель. Автор романов и повестей, в том числе «Наследник» (изд. «Советский писатель»), «Мосты на левый берег» (изд. «Московский рабочий»), «Мистраль» (изд. «Международные отношения») и другие.

Проживая длительное время во Франции, обстоятельно изучал жизнь русской эмиграции, был знаком со многими интереснейшими людьми русского зарубежья. В настоящее время в издательстве «Международные отношения» готовится к выпуску его книга «Пути и судьбы русской эмиграции».

В настоящей подборке публикуется часть публицистических очерков, написанных для «Огонька» в 1989 г.

БЛЕСК И НИЩЕТА НОМЕНКЛАТУРЫ

Помните, как приехавшего в заштатный городок Ивана Александровича Хлестакова, чиновника из Петербурга, местный казенный люд принял с испуга за путешествующее инкогнито важное должностное лицо. Разумеется, помните, знаете еще со школы. Но, вероятно, не все знают, что путешествовать инкогнито имеют свойство не только люди, но и слова. Одним из таких живущих и путешествующих инкогнито слов является слово «номенклатура». Сколько ни рыскал я по весям российской нашей прессы, сколько ни плутал — по привычке прежних лет — с лупой между строк, так ни одного и не обнаружил. Точно бы оно наде-ло шапку-невидимку.

А между тем в обыденной жизни оно во плоти, и замечу, в весьма откормленной плоти то и дело шмыгает мимо нас на черных рысаках, именуемых ныне автомобилями. Инкогнито достоинством пониже можно в известных местах встретить идущим по улице пешком в неизменной ондатровой шапке, и, сколько мне известно, во многих наших столицах да областных центрах имеются даже «слободки», именуемые в просторечии «Царским селом».

Едва ли не каждый день в том или ином разговоре, особенно если в центре Москвы, нам приходится слышать вполне привычные для уха фразы: «Иван Иванович попал в номенклатуру», «это номенклатурная должность», «номенклатурный список».

Отчего же делается вид, что понятия не существует?

Да оттого, что в течение многих десятилетий вся наша политическая жизнь была неким эвфемизмом, административным инкогнито, при которой единственной точкой соприкосновения народа с властью были непроницаемые для глаза заборы.

Если не предаваться лукавым играм «первых отделов» в секретность, понятие номенклатуры предельно просто. *Nomenclatura* по-латыни означает роспись имен, а переведенное на язык наших политических реалий — верхний эшелон власти, список высших должностных лиц. И едва новые общественные условия, рожденные перестройкой, сняли с наших уст сургучные печати, как о высшем бюрократическом слое стали говорить, разве что не произнося еще сакраментальных слов. И пер-

вые же анализы (см., в частности, статью «Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений» в журнале «Коммунист» № 12 за 1988 год), первые споры показали, что ничего запредельного ни в этом понятии, ни в явлении нет, что говорить об этом нужно — и не только для пользы общества и перестройки, но и для блага самой же номенклатуры. Ей, номенклатуре, ведь тоже полезно понять, почему в перестройке она играет столь противоречивую роль: и локомотива, и тормоза одновременно.

Долгие годы глухого молчания создали вокруг номенклатуры некий соблазнительный миф.

В сознании народа, вытесненного с площадей власти в «людскую», понятие номенклатуры стало ассоциироваться не с сутью, а с атрибутами. И мы можем оценить степень «прищур», с которым улица поглядывала на проносящиеся черные лимузины, и по тем ядовитым словечкам, которые она намертво связала с понятием номенклатура, — «авоська», «корыто», «паек», «бронь» и т. д. В последние годы застоя уже не редкостью было слышать — разумеется, шепотом — мнения о том, что номенклатура деградировала и что она-то и есть тот тромб, который не дает играть живой крови социализма. И только теперь, когда мы стали спорить, а значит, и думать, нам становится яснее, что причина не только в полипах и бородавках, которыми оброс социализм, а прежде всего в извращенной сталинизмом политической системе, в которой номенклатура лишь одно из заржавленных и искривленных колес. Я бы сказал, что номенклатура в том виде, в каком она существует до сих пор, является и порождением, и жертвой сталинизма.

Власть идей или идея власти?

У психологов есть известное наблюдение о том, что первое движение есть движение сердца, а не разума. Оно-то и является наиболее искренним. По первым поступкам можно достаточно верно определить характер человека, по первым литературным прозам — талант писателя.

В 1895—1896 годах в тифлиских газетах «Иверия» и «Квали» были напечатаны несколько стихотворений, подписанных никому не известным именем И. Дж-швили и Соселло. Новорожденный поэт писал:

И знай: кто пал золой на землю,
Кто был так долго угнетен,
Тот станет выше гор великих,
Надеждой яркой окрылен.

Стихи принадлежали юному Иосифу Джугашвили, будущему «отцу народов».

Едва ли следует верить всерьез нынешним, столь обильным задним числом утверждениям о невежестве Сталина. Разумеется, он не был

крупным теоретиком, но многочисленные свидетельства людей, близко знавших Сталина, говорят о том, что это был человек, наделенный природным умом, великолепной памятью, хитростью. Распиливая на куски поваленные на землю памятники Иосифу Виссарионовичу, не следует забывать, что он был среди ближайших соратников Ленина; я сомневаюсь, чтобы Ленин стал держать около себя совершеннейшее интеллектуальное ничтожество. Вопрос в другом: какая черта была в Сталине доминирующей? И здесь строчка из стихотворения «Луне» — «тот станет выше гор великих» — дает первое представление о черте характера, которая предопределила не только судьбу самого стихотворца, но и на многие десятилетия судьбу страны. Черта эта была — честолюбие.

Многие исследователи сталинского феномена считают, что идея власти доминировала в помыслах и поступках Сталина. Не обладая на фоне блистательной плеяды ленинских сподвижников теми качествами, которые могли бы вывести его в вожди, Сталин сумел тем не менее овладеть техникой аппаратного манипулирования, и в этом смысле именно его следует считать основателем советской номенклатуры.

Суть номенклатуры — в подмене власти идей голой идеей власти.

Идеология в руках номенклатуры из путеводной звезды превращается в инструмент удержания власти.

Номенклатура, которая досталась стране в наследство от генералиссимуса, напоминает разбитую вдребезги вазу из бывшего музея подарков Сталину, где в каждом фрагменте тем не менее присутствует осколок вождя, ибо при всех отличиях нынешней номенклатуры от прежней суть ее осталась неизменной: идея власти поглощает власть идей. В этом свете становится понятней, почему, например, во главе идеологии на протяжении всего послеленинского периода у нас стояли не мыслители, а «серые кардиналы» — митины, поспеловы, ильичевы, сусловы, не оставившие в памяти людей ни одной животворной идеи. Все «идеи» номенклатуры были лишь шпорами, позволяющими понукать оседланную Россию.

Кадровый пасьянс

Сейчас нам сделалось известным, как неприятно был поражен В. И. Ленин той властью, которую Сталин успел перетянуть на себя за время его болезни. Сталин же за эти месяцы 1922 года убедился в том, как многого можно достичь, умело двигая фигурами в партийном аппарате. Должность Генерального секретаря ЦК давала ему такую возможность. Еще не будучи вождем, почти неизвестный широкой партийной массе, Сталин благодаря аппаратным рычагам Секретариата ЦК получил доступ к реальной власти. Этот урок он усвоил на всю жизнь.

Нельзя сказать, чтобы начавшаяся в 1922 году метаморфоза власти осталась незамеченной. Первым забеспокоился Троцкий. 8 октября 1923 года он пишет письмо в ЦК, где обращает внимание на негативные

явления в руководстве партией. Троцкий, разумеется, имеет свои виды: он боится усиления соперника, первым угадывает контуры настоящего Сталина. Более глубока и искренна озабоченность 46 видных большевиков, среди них Преображенский, Пятаков, Косиор, Осинский, подписавших коллективное заявление в ЦК. В заявлении 46, в сущности, уже говорится о внутреннем кризисе в партии.

Старых революционеров беспокоило все более прогрессирующее, уже ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и «мирян», на профессиональных партийных функционеров, выбираемых сверху, и на партийную массу, не участвующую в партийной жизни.

Главная причина начавшегося откола партийного айсберга от материка, считают авторы заявления, — новая форма выдвижений на руководящую работу — «назначенчество». Оно становится сильнейшим орудием Сталина в борьбе за тотальный контроль над партией. «Назначенчество» в корне меняло характер взаимоотношений в высших инстанциях партии: вместо людей, делегированных партийной массой, знающих ее интересы, опирающихся на ее силу и потому свободных в суждениях, в аппарат все больше выдвигаются люди, зависимые от выдвинувшего их лидера и подотчетные лично ему.

Принцип преданности идеям партии подменяется преданностью вождю.

Созданный в рамках Секретариата еще при Ленине Орграспред, функции которого состояли в том, чтобы определять местным партийным организациям квоту при партийных мобилизациях в ходе гражданской войны, постепенно, по мере того как Сталин прибирал к рукам бразды Секретариата, становится отделом по распределению партийных постов.

В 1923 году Орграспред направил на работу на периферию более 10 тысяч человек, в том числе около половины «ответственных работников». Партийные лидеры, таким образом, стали расти не на местах, не в гуще реальных событий, а в аппарате. Сталин понимал, что «кадры решают все». Орграспред под его внимательным призором стал кузницей номенклатуры, вытягивая нужных для Сталина людей с периферии и направляя на периферию из Секретариата тех, кто уже прошел азы сталинской «науки побеждать». Именно через Орграспред был истребован в Москву Николай Иванович Ежов, сделавший за несколько лет головокружительную карьеру в аппарате ЦК и ставший сам председателем Орграспреда. О роли, которую играл этот «орган» в организме Секретариата ЦК, свидетельствует такой, например, факт, что детищем Орграспреда был и наследник Сталина Г. Маленков, бывший одно время заместителем Ежова по Орграспреду.

Система Орграспреда была достаточно проста и в силу этого угрожающе эффективна: Орграспред посылал на места губернских и уездных секретарей, которые при подготовке съездов партии сами станови-

лись его делегатами и подбিরали других делегатов по своему «образу и подобию», съезд выбирал ЦК, ЦК выбирал Политбюро, Оргбюро и Секретариат, в составе которого действовал Орграспред. Круг замыкался. При такой системе Секретариат сам себя и выбирал. Неожиданности были практически исключены. После смерти Ленина эта формально выборная, а фактически контролируемая Секретариатом машина «номенклатурной демократии» действовала безотказно. Контроль снизу был отключен.

Идеал персидского шаха

Пороки насаждаемой Сталиным системы номенклатурных передвижений и назначений выявляются достаточно быстро. В середине 20-х годов, когда пресса еще не была полностью монополизирована номенклатурой, центральные газеты в большом количестве помещают горькие письма рядовых коммунистов по поводу выдвигенцев и нового стиля партийной работы. Рабочие пишут о том, что партийные разучиваются сами думать, боятся что-либо «ляпнуть» до указания сверху, что при команде сверху донизу масса партийной жизнью не живет и в силу этого выпирает казенщина, официальный дух с циркулярами... Развиваются наущничество, подхалимство и на этой почве — карьеризм. Деревенский коммунист из Спасо-Деменского уезда Калужской губернии в декабре 1924 года писал в своем письме в «Правду», что многие смотрят на партию, как на пирог с начинкой. В условиях общей малограмотности страны членство в партии стало давать иным деятелям возможность пристроиться не в цехе, не около станка, а при конторе и чернильнице.

В 1924 году Сталин объявляет Ленинский призыв, и случилось то, чего так опасался Ленин: в партию хлынул и мелкобуржуазный поток — «людишки, пришедшие к новому делу от биллиарда, а не от станка», как записал в своем дневнике председатель Иваново-Вознесенского Совета А. Е. Ноздрин. К 1 ноября 1925 года партия разбухла до 1 миллиона 25 тысяч человек (при том, что Ленин и 300—400 тысяч считал чрезмерным). «Людишки от биллиарда», мастера загонять в лузу шары, помимо всего, в массе своей неграмотны. Среди делегатов XIV съезда ВКП(б), собравшегося в декабре 1925 года, людей с высшим образованием — всего 5,1 процента, тогда как с низшим — более 66 процентов. Доля ленинского «тончайшего слоя старой партийной гвардии» продолжает быстро таять. К 1928 году она составляет немногим более 1 процента.

Сталина, однако, это не тревожит, напротив, радует. Сделав своей целью достижение высшей власти, он понимает, что партийцы, преследующие, как и он, карьеристские, номенклатурные цели, будут его надежной опорой. Ленинский призыв привел в партию 240 тысяч человек. «Известия», отражая беспокойство честных партийцев, пишут: «Наши прокляточные печи, наши ячейки не обладают такой большой пропуск-

ной способностью, чтобы прокалить и закалить этот партийный молодежь».

Сталину и начавшей складываться вокруг него номенклатуре закаленный молодежь и не нужен. Вождь предпочитает иметь дело с гуттаперчевым материалом и легко придавать ему ту форму, которая отвечает его целям. Огромная масса партии фактически отстраняется от реальной политики. Происходит то, о чем еще до революции, ведя споры о сочетании демократизма и централизма во внутрипартийной жизни, предупреждал Г. В. Плеханов: «Центр нашей партии съел всю партию, подобно тому, как тощие фараоновы коровы съели жирных».

По меткому и горькому выражению Г. В. Плеханова, в стране осуществляется «идеал персидского шаха». С той только разницей, что восточный деспот носит не персидскую, а грузинскую фамилию.

Босая правда

Весной 1929 года был подвергнут зубодробительному разгрому рассказ Артема Веселого «Босая правда», «представляющий однобокое, тенденциозное и в основном карикатурное изображение советской действительности, объективно выгодное лишь нашим классовым врагам».

Так входила в наш быт новая терминология — терминология шельмования правды в преддверии шельмования людей. Этот разгром, в сущности, представляет собой номенклатурный донос на писателя, члена партии с 1917 года, автора известного романа «Россия, кровью умытая». Донос автоматически сработал в 1939 году. Ярость, с какой молодая еще номенклатура набросилась на писателя, объяснялась тем, что рассказ «Босая правда» был, по сути, первой попыткой советской прозы обратить внимание на начавшееся перерождение аппарата и власти. Герой гражданской войны в рассказе А. Веселого жалуется своему бывшему командиру: «За что мы, Михаил Васильевич, воевали — за кабинеты или за комитеты?»

Что мог ответить на это боевой командир «Михаил Васильевич»? Не сам ли он погиб под именем командарма Гаврилова («Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка) во время операции, о которой уже отдал приказ «негорбящийся человек»? Вскрытие, кстати, показало, что язва, которую было приказано вырезать, уже зарубцевалась. Однако с операционного стола «наркомвоенна», недавно заменившего Троцкого, отвезли на кладбище. На его место во главе армии встал «соратник» Сталина Климент Ворошилов.

Ни настоящие командармы, ни «босая правда» уже были аппарату не ко двору. Что касается защиты своей власти, то в новых условиях номенклатуре нужны были и новые виды оружия — чисто бюрократические.

Манипулирование облегчается тем, что после шахтинского процесса летом 1928 года общественного мнения больше и не существует.

«Мнение» теперь формулируется в недрах аппарата, спускается вниз в виде неукоснительных директив, а в ответ в нужном количестве поступают «письма трудящихся», благодарящие, ликующие, заверяющие или, напротив, клеймящие — в зависимости от потребности дня. С пугающей точностью сбывалось предсказание Розы Люксембург: «Без свободных выборов, без неограниченной свободы печати и собраний, без свободной борьбы мнений жизнь отмирает во всех общественных учреждениях, становится только подобием жизни, при котором только бюрократия остается действующим элементом».

Вырождение, экономическая беспомощность, бумажные методы руководства приводят к катастрофическому разбуханию аппарата. Зарождается сохранившаяся до наших дней практика замены реальной работы созданием очередной комиссии или комитета. Анастас Иванович Микоян вспоминал, что, когда понадобилось заготовить обувь и теплые вещи, была создана Чрезвычайная комиссия по заготовке валенок, лаптей и полупубков, сокращенно Чеквалап. Сколько таких «чеквалапов» за годы Советской власти было рождено усилиями аппарата!

В поисках «стрелочника»

Неспособность богатой и ресурсами, и талантами страны прокормить, достойно обути и одеть население свидетельствует о том, что страна при наличии самой большой в мире бюрократии (сейчас называется цифра в 18 миллионов человек) потеряла способность эффективно управляться. И разве не является нелепицей то, что в стране, где, как и у всех людей, солнце восходит на востоке и садится на западе, чуть ли не каждый год принимаются решения и постановления то о заготовке сенажа, то о рубке веников, то о посевной, то об уборочной. К перечню уже имеющихся постановлений «о ходе» и «о совершенствовании» наши инстанции забыли присовокупить разве что одно, да и то, вероятно, убожавшись обвинений в плагиате, ибо эталон «постановления» был запатентован Угрюм-Бурчеевым, ярким представителем номенклатуры прошлых времен: «Женщины имеют право рожать детей только зимой, потому что нарушение этого правила может воспрепятствовать успешному ходу летних работ».

Номенклатура не управляет страной, а властвует.

За развал, за разорение номенклатурные угрюм-бурчеевы караются не рублем, как в нормально действующей экономике, а эфемерным «вызысканием», в худшем случае — перемещением по горизонтали номенклатурного аппарата.

Но номенклатуре нужны и козлы отпущения. И их находят. Репрессии «саботажников» были выгодны не только Сталину для поддержания страха в стране, но косвенно и номенклатуре — для оправдания своей неэффективности. Годы первой пятилетки — это и годы первых процессов. В августе 1930 года по обвинению в организации конского падежа

закрытым судом судят группу бактериологов во главе с профессором Каратыгиным. В сентябре 1930 года расстреливают 48 руководителей пищевой промышленности, в том числе профессора Розанова, по обвинению в организации продовольственных трудностей.

В 1930 году начинается процесс «Трудовой крестьянской партии», жертвой которого становятся специалисты в области сельского хозяйства — экономисты, агрономы, кооператоры. Проходящему по процессу профессору Александру Чаянову вменяется в вину опубликованный им в 1920 году фантастический роман «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Роман объявлен кулацким манифестом. Чаянов расстрелян в 1939 году. В 1931 году по Москве прокатывается вторая волна арестов меньшевиков. Арестованные берутся главным образом из плановых органов. Им вменяют в вину в одних случаях занижение, в других — завышение планов, что «мешало» их перевыполнению. Поиск виновных в экономических неурядицах идет широким фронтом, захватывая, помимо специалистов, и рядовых рабочих, и крестьян. В одной из статей журнала «Плановое хозяйство» за 1933 год говорится: «Классовый враг, белогвардейцы, кулаки все еще имеют возможность пробираться на железных дорогах на скромные, незаметные посты, такие, как смазчик...»

Смазчики, стрелочники, слесари, машинисты, крестьяне, унесшие с тока горсть зерна, идут в тюрьмы и лагеря. Виновники трудностей и провалов найдены. Однако план, обещавший к концу первой пятилетки ликвидацию товарного голода, а по ряду важнейших потребительских товаров удвоение норм потребления, не выполнен и до сих пор. Карточки, многочасовые очереди за товарами стали привычной частью «советского пейзажа». Тем не менее в самые короткие сроки сооружались гигантские предприятия тяжелой промышленности. 500 тысяч заключенных практически без механизмов, с помощью кирки и тачки за 20 месяцев пробили Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. «Партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед», — скажет об этом времени Сталин, уже рассматривая себя и партию как единое целое.

Сталинской улыбкою согреты...

Если соратники Ленина падали в обморок от недоедания и переутомления (исключение, пожалуй, являл собой Троцкий, любивший поистине велокопняжескую роскошь) и жили в скромных казенных квартирах; если Ленину в мае 1922 года кажется, что кремлевский гараж, имевший 6 машин и 12 человек персонала, чрезмерно велик, и он просит Ф. Дзержинского «сжать сие учреждение», то сталинские «меченосцы» уже не озабочивают себя моральными соображениями. Происходит быстрый отрыв доходов и уровня жизни правящей элиты от огромной массы населения. Сталин сознательно откармливает свое

окружение, понимая, что голодный сатрап ненадежен. Ему важно было и нравственно оторвать создаваемую им элиту от народа. Отменяется установленный при Ленине партмаксимум зарплаты. В первой половине тридцатых годов для ответственных работников создаются закрытые распределители, спецстоловые и спецпайки. Постепенно спектр спецобслуживания расширяется, охватывая, по сути дела, все сферы жизни и быта: появляются спецмагазины, спецавтобазы, спецпарикмахерские, спецбензоколонки, особые номера для автомашин, отдельные залы ожидания на вокзалах и аэропортах и, наконец, спецкладбища, куда простому смертному невозможно войти ни живым, ни мертвым. Я думаю, что если бы существовал атеистический рай, то номенклатура выгородила бы себе спецместечко и там.

Таким образом, человек, однажды попавший в высшую номенклатуру, весь остаток жизни мог провести в особом «спецмире», так ни разу и не столкнувшись с представителями класса-гегемона, именем которого он осуществляет диктатуру.

Хитрый политик, Сталин понимает необходимость отвлекающих жестов, показывающих, что новая знать не имеет классовых барьеров. Наряду с понятием «простой советский человек» появляются «знатные рабочие», «знатные колхозницы». О них в отличие от настоящей элиты пишут газеты, их прославляют в песнях, стихах, кинофильмах. История стахановского движения еще недостаточно изучена с материальной и нравственной точек зрения. Но можно предположить, что наряду с искренним порывом рабочих, их трудовым энтузиазмом существовало сознательное манипулирование в целом малограмотным еще населением. Стахановцев осыпают почестями, их выбирают в Верховный Совет, где они своим «рабочим голосом» вместе с почетными доярками, почетными трактористами, почетными свиноводами создают иллюзию широкого народного участия в управлении страной. Действительность, увы, была иной.

Материальный и нравственный отрыв правящей элиты от народа еще раньше подмечен А. Сольцем, которого называли «совестью партии». Он предостерегает, что долгое пребывание у власти в эпоху диктатуры пролетариата возымело свое разлагающее влияние на значительную часть старых партийных работников. Отсюда бюрократия, отсюда крайне высокомерное отношение к рядовым членам партии и к беспартийным рабочим массам, отсюда чрезвычайное злоупотребление своим привилегированным положением в деле самоснабжения. Выработывается и создается коммунистическая иерархическая каста.

Читатели, вероятно, помнят описание больничного «полулюкса» в одной из привилегированных больниц в романе А. Бека «Новое назначение»: «...Полулюкс вмещал кабинет и спальню, балкон, ванную комнату, прихожую с выходом прямо на лестницу, устланную ковровой дорожкой. В этом светлом, просторном обиталище... мягкие кресла, ков-

ры, дорогие статуэтки, тяжелые позолоченные рамы развешанных по стенам картин».

Это описание, вероятно, не ранило бы так больно (в самом деле, чего же дурного, если человек лечится в достойных условиях?), если бы мы не знали об убожестве городских больниц для гегемона: железные койки в коридорах, сквозняки, драный линолеум на полах, отсутствие санитарок, нищенское питание, отсутствие необходимых лекарств...

Чтобы принять и в течение десятилетий сохранять вопиющее неравенство, номенклатура, вероятно, должна была обладать особыми специфическими качествами. О них тоже позаботился «великий архитектор».

Административный василиск

(Штрихи к портрету)

В апреле 1922 года Сталин становится Генеральным секретарем ЦК и, по сути дела, руководителем аппарата. Первая ступенька к вешалке, на которой висел «кафтан Ленина» (в середине 20-х годов это выражение было очень в ходу), была пройдена. В наследство ему достался весьма сложный и фрагментарный по своим личным симпатиям и уровню аппарат, отражавший сложное и многомерное соотношение сил в ядре партии. Сталину потребовался год времени, чтобы понять, какой именно аппарат нужен ему для укрепления власти: предстояла сложная, изнурительная борьба вначале с Троцким, затем с другими наследниками Ленина.

В апреле 1923 года на XII съезде РКП(б) Сталин, представляя орготчет ЦК, попутно излагает мысли по поводу того, каким должен быть работник номенклатуры:

«...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь». В коротком абзаце Генеральный секретарь три раза повторяет слово «директивы», ставшее впоследствии ключевым понятием работы ЦК.

Орграспред, во главе которого Сталин поставил Кагановича, развивает мощную деятельность по формированию аппарата на принципах, изложенных Сталиным. За два года он произвел 8761 назначение, из них 1222 — в партийные органы. К 1927 году Сталин уже имеет собственную, верную ему номенклатуру. Директивы теперь могли идти, не встречая никаких преград. На всем пути были послушные исполнители.

Спустя десять лет, в 1937 году Сталин уже и не скрывал, к какому типу правления он готовит страну и какой аппарат ему для этого нужен. «В составе нашей партии, если иметь в виду ее руководящие слои, имеется около 3—4 тысяч высших руководителей. Это, я бы сказал, — генералитет нашей партии. Далее идут 30—40 тысяч средних руководи-

лей. Это — наше партийное офицерство. Дальше идут около 100—150 тысяч низшего партийного командного состава. Это, так сказать, наше партийное унтер-офицерство».

В это же время выявляется и еще одна существенная черта сталинской кадровой политики. Главное качество руководящего работника, по Сталину, не компетентность, а личная преданность. Ответственный работник должен понимать, что он получает должность не в силу своих знаний, а по милости вышестоящего «генерала». Разумеется, в любой другой стране, где существуют конкуренция, рынок, кооперативная и частная собственность, такая кадровая политика была бы немислима. Лозунг «Все кругом народное, все кругом мое» был крайне выгоден номенклатуре всех уровней, ибо позволял при помощи уравниловки и госфинансирования покрывать зияющие провалы.

В силу некомпетентности, с одной стороны, и зависимости от вышестоящего начальства — с другой, вся деятельность номенклатурщика направлена не на реальную работу, а на имитацию «бурной деятельности». Главное — быть замеченным «в центре». Отсюда всякого рода громкие «инициативы» на местах; отсюда же — горящие по вечерам окна и бдения около «вертушек»: а вдруг начальник позвонит; отсюда субботние высидки в конторах: неважно, что весь день двигали шахматы, важно, что отмечено рвение.

От некомпетентности и казенный оптимизм, и казенные лозунги: «Советское — значит отличное», «Превратим Москву (Киев, Баку, Бердичев и т. д.) в образцовый коммунистический город». Отсюда холуйство перед большим и среднего калибра вождями.

Номенклатура не склонна к «экономической оседлости» (выражение Д. С. Лихачева). Ее не интересует длительная, кропотливая работа, которая может принести стратегический успех. Номенклатурщик — всегда временщик. Его метод — быстрый, «сабельный» успех, ибо только он может быть замечен из высокого окна. Отсюда хищническое отношение и к производству, и к природе, и к человеку. «Проекты века», грандиозные стройки — это плод номенклатурного воображения, стремящегося во что бы то ни стало быть замеченным, а следовательно, выдвинутым и приближенным. Многие недавние первые секретари республик, выброшенные из кресел пружиной перестройки — рашидовы, кунаевы, — все это раздутые до абсурда, но, увы, реальные образцы номенклатурных полипов, приведших страну к тяжелому заболеванию. Мастера устраивать «идеологические» и «политические» парады, они тотчас же оказываются в тупике, как только возникает нестандартная, требующая политического творчества и мужества ситуация.

Исследователи бюрократического феномена обращают внимание на одну чрезвычайно интересную черту бюрократа — комплекс неполноценности, превращающий патристическое достоинство в напыщенную спесь. Между тем, если вдуматься, ничего удивительного в этом нет. По-

добного рода феномены широко известны, например, этномологам: ряд насекомых, отличающихся неприспособленностью к самообороне, обрели в процессе эволюции крайне устрашающий вид. Примером тому может служить богомол, одного вида которого достаточно, чтобы другие насекомые падали в обморок. Спесивость, окаменелость лица, отсутствие улыбки, непререкаемый тон речи — весьма характерные для бюрократа высокого ранга — являются в известной степени «сублимацией» комплекса неполноценности.

На это «физиономическое» явление в свое время обратил внимание известный бытописатель российской номенклатуры М. Е. Салтыков-Щедрин, назвав такого рода властительных лиц «административными василисками». «При сем: речь должна быть отрывистой, взор обещающий дальнейшие распоряжения...». Разве вам, читатель, не знакомы эти лица?

Интересно заметить, что по сумме привычек и свойств современные «административные василиски» до удивительного напоминают портрет, который набросал великий русский сатирик: с одной стороны, все та же «страшная масса исполнительности», с другой — все тот же привычный окрик: «Уйму, я ее уйму!». Все тот же принцип отстраненности: «Ему нет дела ни до каких результатов, потому что результаты эти выясняются не на нем, а на чем-то ином, с чем у него не существует никакой органической связи». Все те же лица, на которых «не видно никаких вопросов; напротив того, во всех чертах выступает какая-то солдатски невозмутимая уверенность, что все вопросы давно уже решены». И уж поистине нет ничего невозможного для гения, ибо гений Салтыкова-Щедрина предусмотрел даже такую «частность», как номенклатурное отношение к повороту рек: «Он не был ни технолог, ни инженер; но он был твердой души прохвост, а это тоже своего рода сила, обладая которою можно покорить мир. Он ничего не знал ни о процессе образования рек, ни о законах, по которым они текут вниз, а не вверх, но был убежден, что стоит только указать: от сих мест до сих — и на протяжении отмеренного пространства, наверное, возникнет материк...»

И даже в последний путь номенклатурных покойников провожают совершенно так же, как и в прошлые времена. «...За гробом шли, снявши шляпы, все чиновники... Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какие обыкновенно ведут между собой провожающие покойника. Все мысли их были сосредоточены в это время в самих себе: они думали, каков-то будет новый генерал-губернатор, как возьмется за дело и как примет их... Вот прокурор! жил, жил, а потом и умер! И вот напечатают в газетках, что скончался, к прискорбию подчиненных и всего человечества, почтенный гражданин, редкий отец, примерный супруг... а ведь если разобрать хорошенько дело, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови».

Гоголь! Даже брови предусмотрел, провидец!!!

Пойдет ли номенклатура в перестройку?

В силу известных и отчасти отмеченных нами причин в общественном сознании у нас утвердилось весьма скептическое отношение к номенклатуре. Вместе с тем, как и все в нашей нынешней жизни, номенклатура нуждается в трезвой, а не только в эмоциональной оценке. При таком анализе нельзя не заметить, что номенклатура не является чем-то навечно затверделым. По мере того как после XX съезда менялось общество, менялась и номенклатура. Сталин, как известно, за исключением Тегеранской и Потсдамской конференций, за границу никогда не выезжал и не поощрял заграничные поездки своих сотрудников. Бывший секретарь Сталина пишет в своих мемуарах, что после его второй поездки за рубеж Сталин сделал ему замечание: «Что это вы, товарищ Бажанов, все за границу и за границу. Посидели бы дома». Вместе с тем поездки, начавшиеся при Хрущеве, были весьма полезны. Они на многое открывали глаза, в том числе и номенклатуре. Номенклатурные работники, ездившие за границу в составе делегаций или туристами, не замедлили увидеть, что западная номенклатура живет на порядок лучше нашей, доморощенной. Разумеется, у западного высшего чиновника нет спецпарикмахерской и спецбуфета, он не пользуется «корытом», ему не нужно ходить в 100-ю секцию ГУМа за сорочками. Все это спецобслуживание, породившее у нас целую систему спецхолуйства, в нормально действующей, бездефицитной экономике просто не нужно. Когда западный министр, сенатор, мэр города, директор фирмы или секретарь местного отделения партии хотят попотчевать своих гостей, они просто идут в хороший ресторан или заказывают меню у одного из городских рестораторов.

В глазах обывателя жизнь советской номенклатуры кажется верхом блаженства и достатка, тогда как в сравнении с развитыми капиталистическими странами ее существование не только убого (относительно, разумеется), но еще и унизительно, ибо советский номенклатурный служака свои удовольствия не покупает с достоинством обеспеченного человека, а украдкой, «за занавесочкой» откусывает от общего скудного пирога, порождая этим самым малопочтительные шепоты за спиной.

Уровень жизни номенклатуры теснейшим образом связан с уровнем жизни страны: в убогой, дефицитной экономике ущербно и материальное существование номенклатуры. Оно кажется завидным лишь из окна хрущевской пятиэтажки. И в этом смысле умному, критически мыслящему новому поколению номенклатуры так же по пути с перестройкой, как и основной массе населения. Только вместе с перестройкой экономической и политической системы номенклатура может обрести материальное и нравственное достоинство.

В том или ином обличье, но номенклатура существовала всегда. Навивно предполагать, что перестройка упразднит номенклатуру. Но революция в мышлении, реформа политической системы требуют новых кадров, номенклатуры нового типа. На Западе, во всех демократических

цивилизированных странах существует такое понятие, как «политический класс», в котором проходят школу и из которого выдвигаются политические лидеры. В интересах перестройки прекратить делать «фигуру умолчания» вокруг номенклатуры, а спокойно обсудить, какой номенклатуре по пути с перестройкой, а какой нет. Едва ли правовому государству, к которому мы стремимся, потребуются «административные василиски», умеющие взглядом останавливать течение рек. Гражданскому обществу нужна умная гражданская власть, нужен умный, образованный и культурный политический класс, способный на реальное, а не фиктивное лидерство. Нужна революция номенклатуры, адекватная революции в политике.

КОНЦЕРТ ДЛЯ ГЛУХОЙ ВДОВЫ

Нет, пожалуй, другого такого свойства человеческой природы, которое в ходе веков дало бы такое обилие метаморфоз, как Глупость.

Уже в 1494 году в сатирической поэме «Корабль дураков» немецкий писатель Себастьян Брант насчитал свыше ста видов Глупости. Казалось бы, можно и остановиться. Но лучшие умы верили, что Глупость бесконечна. И Эразм Роттердамский в «Похвале глупости» существенно расширяет коллекцию. При этом Глупость у Эразма всевластна.

«Глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд». Говоря о баснях и мифах, посредством которых Глупость правит миром, Эразм выделяет особое свойство глупости (тому, собственно, и посвящена наша статья) — «посредством... чепухи этого сорта приводить в движение исполинского мощного зверя — народ».

Немало потрудились над исследованием Глупости и наши соотечественники — Гоголь, Салтыков-Щедрин, создавшие целую галерею отечественных «глуповцев». Глупость отнюдь не обошла и нашего советского подворья. Более того, судя по достигнутым результатам, она обрела новые, характерные именно для нашей эпохи свойства и черты. Одним из таких новейших проявлений Глупости следует, безусловно, считать кампанию по борьбе с идеей «всемирного гражданства» (по выражению В. Даля), иными словами, с космополитизмом.

Надо заметить, что и в былые времена борьба Глупости с Разумом велась отнюдь не бескорыстно. Когда братья-иезуиты тащили свои просвещенные жертвы на костер или жгли их каленым железом, они больше заботились о поддержании в народе страха перед властью церкви, нежели о спасении заблудших душ. Следовавшие у нас в 40-е и 50-е годы идеологические кампании по травле космополитов тоже преследовали далеко не филантропические цели. Ставкой в бесовских этих играх были контроль над сознанием человека, а следовательно, власть. И чем сложнее становилось экономическое и социальное положение

в стране, чем дальше человек оттеснялся от народовластия, тем настойчивее и громче звучало похвальное слово Глупости. Тем больше был соблазн изолировать разум отечества от мирового разума.

«Торричеллиева пустота»

В 1924 году не стало Ленина. К 1927 году было окончательно похоронено ленинское экономическое детище — нэп. Советская Россия, стремившаяся при Ленине вернуться в Европу (в этом весь смысл Генуэзской конференции), теперь, под знаменем сталинизма, начала с упорной последовательностью возводить вокруг себя заборы. Выражение «граница на замке» приобретает новый смысл. Пограничник, граница становятся ключевыми словами патриотической пропаганды. О пограничниках слагают песни, пишут книги, из них делают героев. Пограничный пес Джужбарс из одноименного кинофильма затмевает славу популярных киноактеров. Понятие «государство» все больше вытесняет из общественной жизни понятие «человек».

Чтобы держать народ и его интеллигенцию в повиновении, помимо террора, используется духовная автаркия — политическая, культурная и идейная изоляция страны. Шестая часть планеты начинает жить по законам «торричеллиевой пустоты» — давление жизненных тягот, бескомпромиссы, тесноты, идеологических понуканий «уравновешивается» давлением страха.

В декабре 1931 года в Москву приезжает немецкий писатель Эмиль Людвиг. Его хобби — биографии великих людей. Что ж, у Сталина к этому времени имеются за спиной кое-какие из «свершений»: всеобщая коллективизация, например. Дома его уже называют великим.

Но чванливая заграница пока не испытывает к нему особого пиетета. Для буржуев он всего лишь властитель страны, занимавший шестое место по выплавке чугуна и девятое по производству электроэнергии. Внимание известного писателя льстит. Европа, кажется, начинает понимать, с кем она имеет дело. Людвигу многое позволено. Он иностранец. Ни один человек в Советском Союзе не осмелился бы задать Сталину такой вопрос.

Людвиг: Мне кажется, что значительная часть населения Советского Союза испытывает чувство страха, боязни перед Советской властью и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость Советской власти.

Сталин: Вы ошибаетесь... Неужели вы думаете, что можно было бы в течение 14 лет удерживать власть и иметь поддержку миллионных масс благодаря методу запугивания, устрашения? Нет, это невозможно. Лучшее всех умело запугивать царское правительство...

Людвиг: Но ведь Романовы продержались 300 лет.

Сталин лукавит. Он знает, что страхом пропитана вся страна. Профессор Бородин, герой пьесы А. Афиногенова «Страх», поставленной

в 1931 году, говорит: «...80 процентов всех обследованных живут под вечным страхом окрика или потери социальной опоры. Молочница боится конфискации коровы, крестьянин — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинения в уклоне, научный работник — обвинения в идеализме, работник техники — обвинения во вредительстве. Мы живем в эпоху страха».

Сталин знает о пьесе. С его соизволения она ставится в театре. Зачем скрывать? Пусть о страхе говорят открыто. Пусть страх перестанет быть патологией. Пусть он станет нормой советского образа жизни.

Black and white

Страху, нищете, голоду, политическим процессам, охоте на вредителей, лагерным и заводским баракам нужен весомый противовес. Противовесом этим уже не может быть ни мясо, ни молоко, ни яйца, ни мануфактура, ни обувь. Все это уже переходит в категорию вечного дефицита. Искусственное «изобилие» елисеевского гастронома с икрой, селедкой «залом», с белорыбницей поддерживается мизерной зарплатой миллионов рабочих и крестьян.

Но в резерве власти оставалось уже испытанное средство — идеология. Средство это почти не требовало капиталовложений, но при умелом пользовании давало почти незамедлительный результат.

На этот раз из «широких штанин» Сталин вытащил еще недавно «запретное оружие» — русский патриотизм. Еще недавно, отмежевываясь от собственной истории, велели ей начинаться с октября 1917 года, еще недавно отправляли на свалку истории «народы, царства и царей». Теперь же потребовались «великие предки»: Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр I, Иван Сусанин, гражданин Минин и князь Пожарский. Прославлять отечество стало не только позволено, но и похвально. Равно как похвальным становится и принижать, и даже высмеивать другие государства и народы.

В цикле «Стихи об Америке» («Сифилис», «Блэк энд уайт», «Порядочный гражданин») неприязнь к загранице, которой прежде Маяковский не грешил, выпирает с поразительной и гневливой отчетливостью, политически переключаясь с оценками Сталина.

Если глаз твой
врага не видит,
пыл твой выпили
нэп и торг,
если ты
отвык ненавидеть, —
приезжай
сюда,
в Нью-Йорк.

Мир начинает делиться на «блэк энд уайт», на белое и черное. Цветовую слепоту, описанную Дж. Дальтоном, навязывают советскому человеку. Невиданная по масштабам хирургическая операция над зрением, проведенная сталинскими идеологами, приводит к массовому, коллективному дальтонизму. Один из самых терпимых, универсальных, открытых и «коммунитарных», по выражению Н. А. Бердяева, народов доводится до состояния перманентной и чванливой ксенофобии.

Молчи, Европа,
дура сквозная!
Мусь, — заткните ваше орло.
Не вы — я уверен, — не вы, —
я знаю —
над вами смеется товарищ Шарло.
Жирноживотые.
Лобоузкие.
Европейцы,
на чем у вас пудры пыльца?
Разве
эти
чаплинские усики
не все,
что у Европы
осталось от лица?

Восхвалению подлежит все советское — от домн Магнитки до паспорта, поруганию — все заграничное: от Парижа до Нью-Йорка. Народы, с которыми Россия худо ли, бедно ли, но строила общую цивилизацию со времен принятия христианства, третируются как «незрелые», классово и социально отсталые. Идет откровенная и беспардонная фальсификация реальности.

Чем кровавее годы, тем громче велят звучать патриотическим фанфарам. Борьба с космополитизмом круто замешивается на политике. При этом вся советская символика и фразеология направлены на то, чтобы сплавить воедино образы вождя и Отечества. Сталин, объявивший себя «Лениным сегодня», требовал полной своей идентификации с партией и государством. Всякий, кто осмеливался подвергнуть сомнению этот идеологический софизм, лишался права на существование.

В одной из пьес Ф. Дюрренматта последний римский император Ромул Августул говорит: «Когда государство начинает убивать людей, оно всегда называет себя родиной». Формула сохранения власти, известная со времен Древнего Рима и нашедшая свое, пожалуй, наиболее законченное обрамление в известном трактате Никколо Макиавелли «Государь», широко применялась Сталиным. Пользуясь рецептами Макиавелли, Сталин достиг полного, по словам Маркса, освобождения политики от морали.

Кампания борьбы с космополитизмом была лишь одним из эпизо-

дов борьбы Сталина с интеллигенцией. Неприязнь Сталина к интеллигенции не случайна. В силу универсальности своих знаний и своей психологии интеллигенция оставалась тем нервом, который, несмотря на все предыдущие ампутации и чистки, продолжал связывать мыслящую Россию с мыслящей Европой. Чтобы подготовить страну к завершению чистого эксперимента «построения социализма в одной отдельно взятой стране», необходимо было убить этот «европейский нерв».

Опасная для судеб страны политика отталкивания космополитической Европы и самоизоляции с особой очевидностью проявляется в 1939 году на XVII съезде ВКП(б). Европа уже дышит пожаром. Ко времени съезда в мировую войну втянуты страны с населением около 500 миллионов человек. Война подступает к порогу СССР.

Здравый смысл подсказывает партии правильный путь: поиск союзников. В условиях грозящей опасности XVIII съезд дает зеленый свет «укреплению деловых связей со всеми странами». Казалось бы, что разум наконец побеждает. Однако собственная речь Сталина на XVIII съезде по-прежнему дышит ненавистью к внешним и внутренним врагам.

«Троцкистско-бухаринская кучка шпионов, убийц и вредителей, пресмыкавшаяся перед заграницей, проникнутая рабским чувством низкопоклонства перед каждым иностранным чинушей и готовая пойти к нему в шпионское услужение, — кучка людей, не понявшая того, что последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши...»

Тем фактом, что восемь месяцев спустя, в декабре 1939 года, Советский Союз исключили из Лиги наций, мы обязаны не только «финской кампании», но и в немалой степени специфическому пониманию Сталиным «укрепления деловых связей со всеми странами». Зачисление в космополиты и шпионы всех, кто сочувственно относился к сотрудничеству с заграницей, едва ли могло вызвать доверие Запада к «сталинской миролюбивой политике».

Суперидеологизация внутренней и внешней политики мешала распознать контуры реального врага вплоть до самого начала Великой Отечественной войны.

Хороша страна Болгария!..

Классовый догматизм был столь силен, так глубоко укоренился в сознании советского общества, что даже трагическая, поставившая страну на грань национальной катастрофы война не повлекла за собой философского и политического осмысления пережитого. В оценках результатов войны по-прежнему преобладали не исторические, а идеологические критерии. Неудивительно, что едва над разрозненными городами и нивами России умолк грохот орудий, как в действие была вновь приведена тяжелая артиллерия идеологии. С той только разницей, что идеологические «катюши» били по собственному народу.

Солдатам, вернувшимся домой, поспешили напомнить: «Хороша-де страна Болгария, но Россия лучше всех!»

Пропагандисты принялись втолковывать дошедшим до Берлина воинам-победителям необходимость повышенной идеологической бдительности. «В период войны десятки миллионов людей проживали на территории, временно захваченной врагом. Миллионы людей были угнаны гитлеровцами в Германию. Много советских военнослужащих находились в плену. Все эти люди были оторваны от Родины...»

Недоверие вызывают даже коммунисты, вступившие в партию в годы войны. Более трех миллионов солдат, вступивших в партию под огнем немецких гаубиц, оказывается, «не сумели получить необходимой теоретической подготовки» и нуждались в усиленной идеологической терапии.

Сталину, однако, уже казалось недостаточным отгородить Россию от мира и Европы. Ему потребовалось поставить перегородки и внутри собственной страны.

Война 1941—1945 годов, так же как и Отечественная война 1812 года, оставила в народе и его интеллигенции глубокий нравственный след. Равно как освободительная война против наполеоновских захватчиков, поход русских войск в Европу вплоть до Парижа всколыхнул в народе веру в освобождение от крепостного гнета, так и жертвенная победа советских солдат в Великой Отечественной войне породила надежды на лучшую долю. Среди солдат, возвращавшихся в разоренные деревни и истосковавшихся о мирном труде хлебопашцев, ходили упорные слухи о том, что землю раздадут крестьянам, что облегчат налоги, что выдадут на руки паспорта. Энтузиазм, охвативший народ после войны, объяснялся не только естественной гордостью за победу, но и верой в то, что пролитая кровь «зачтется», что действительно «жить станет лучше, жить станет веселей», как обещал Сталин.

Вера в лучшую жизнь была для властей обоюдоострой: с одной стороны, она порождала трудовой энтузиазм, с другой — порождала надежды. Вообще всякая вера, кроме веры в собственный гений вождя, представлялась Сталину опасной. А что если надежды не сбываются? При той экономике, которую поставил на ноги Сталин, они и не могли сбыться, ибо она зиждилась на «философии нищеты». При отсутствии материальных стимулов стране нужен был другой допинг. Сталин находит его в старом принципе английской колониальной политики: «разделяй и властвуй».

Война, в которой бок о бок, плечо к плечу, не заглядывая в метрики, сражались русские и грузины, евреи и татары, украинцы и казахи, дала удивительный сплав не хрестоматийного, а реального братства. Пожалуй, никогда еще на протяжении истории многонациональный советский народ не ощущал себя таким без ложного пафоса единым. Межнациональные браки становятся обычным явлением. В школах нет и намека на расовый прищур. Народ не считал и не собирался считать, что больше пролил крови в войну. Считать и делить начал Сталин. Прошед-

ших через войну солдат генералиссимус делит на тех, кто был в окружении и кто не был, на тех, кто прошел через плен и кого минула эта страшная чаша. Виновными оказываются и целые нации — крымские татары, чеченцы, ингуши... В массовом порядке депортируются западные украинцы, жители Прибалтики.

Делается и очередная попытка отделить народ от своей интеллигенции и сстроить между собой отдельные группы интеллигентов.

Прокачка износившихся за время войны идеологических тормозов охватывает все сферы жизни. В феврале 1948 года начинается очередная промывка: теперь очередь дошла до музыки. И опять все та же характерная черта идеологической работы: в назидание всему народу публично секут интеллигенцию. На этот раз громят «противников русской реалистической музыки, сторонников упадочной, формалистической музыки». В сущности, с некоторыми музыкальными нюансами идет травля «космополитов». «Среди части советских композиторов, — говорится в Постановлении ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели, — еще не изжиты пережитки буржуазной идеологии, питаемые влиянием современной упадочной западноевропейской и американской музыки». Виднейших советских композиторов, создавших в годы войны известные всему миру шедевры симфонической и инструментальной музыки — Шостаковича, Прокофьева, Хачатуряна, Мясковского, Шебалина, Шапорина, Глиэра, Кабалецкого, — обвиняют в антинародности, в том, что они «ведут на деле к ликвидации музыки». По уже заведенному ритуалу десятки известных советских композиторов, музыковедов, музыкальных критиков вынуждены пройти «очистительную» процедуру самошельмования. Ритуальное чистилище открывает верховный идеологический жрец Сталина А. Жданов. Вышедший в апреле 1948 года первый номер журнала «Советская музыка» не оставляет сомнения в том, чего, собственно, власть требует от советских композиторов. В качестве вышших образцов музыкального творчества в журнале приводятся «нотные приложения» — три лучшие песни о Сталине: «Кантата о Сталине», «Песня о Сталине» и «Величальная И. В. Сталину». Народу предлагалось петь «спокойно, торжественно, мужественно».

Величаем мы сокола,
Друга лучшего нашего,
Величаем мы Сталина —
Всенародного маршала.

Постановление от 10 февраля 1948 года было своего рода увертюрой к новому этапу идеологического выхолащивания культуры. К этому времени под руководством А. Жданова идеологический аппарат достиг желаемой цели — «абсолютной идейной простреливаемости» советского общества.

Новый 1949 год открылся травлей «безродных космополитов». Пристрелку повели по театрам и редакциям журналов и газет. Но идеологи-

ческий фогсен быстро разлился и по другим деланкам советской культуры, пригибая к земле не только «безродных», но и «родных».

Огонь открыла «Правда». В статье «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» газета жаловалась: «В театральной критике сложилась антипатриотическая группа последней буржуазного эстетства, которая проникает в нашу печать и наиболее развязно орудует на страницах журнала «Театр» и газеты «Советское искусство». Эти критики утратили свою ответственность перед народом; являются носителями глубоко отвратительного для советского человека, враждебного ему безродного космополитизма!.. Им чуждо чувство национальной советской гордости».

Жалоба была, естественно, услышана. По творческим союзам тотчас же прокатилась серия сопроводительных «концертов». Исполнение велось по испытанной и хорошо отработанной схеме. Вначале звучало соло высокого творчески-должностного лица, потом контрапунктом шли выступления штатных клеймителей, потом робко и униженно звучали свирели кающихся космополитов. Иные просто каялись, другие, памятуя «поэтику» политических процессов 30-х годов, оговаривали себя, признавая в желании нанести вред советскому искусству, культуре или науке.

Борьба с космополитизмом чаще всего ассоциируется в нашей памяти с всплесками антисемитизма. Действительно, среди подвергнутых гонениям было немало критиков, писателей, ученых, философов, деятелей культуры еврейской национальности. Одним из наиболее одиозных случаев было шельмование известного советского экономиста Евгения Варги. Обвинение академика в антипатриотизме было тем более отвратительно, что многим сотрудникам института, который он возглавил, было известно, что единственный сын ученого погиб во время Великой Отечественной войны. Но такова была атмосфера тех лет, что никто из коллег не встал, никто не выразил протеста. Каждый из участников хулилица знал, что подай он голос, и тотчас же сам попадет в поминальный список антипатриотов. Е. Варга был обвинен в отступлении от марксизма-ленинизма, освобожден от должности директора института, а сам институт был реорганизован.

Была сделана попытка подобраться с сачком космополитизма и к физикам. Начали с обходных маневров, со статей в журнале «Вопросы философии», где ученых клеймили за преклонение перед западной наукой. Однако на собрании в институте, возглавляемом академиком А. Ф. Иоффе, обскуранты получили неожиданный отпор. Академик прямо заявил сидящим в президиуме идеологическим погромщикам: либо физикам будет дано право работать в своих лабораториях, либо лаборатории превратятся в место для митингов. Растерянные аппаратчики, не ожидавшие отпора, поспешили перенести заседание. Больше оно не возобновлялось. Разумеется, большую роль в том, что физикам была вы-

дана «партийная индульгенция», сыграло то, что работы А. Ф. Иоффе были в значительной мере «завязаны» на оборону.

Между тем и травля академика Е. Варги, и «патриотический» шаш, устроенный в Академии наук в Ленинграде (из состава Академии были исключены почетные члены из иностранцев — англичанин Дейл, норвежец Брок, американец Мюллер), и идеологические наскоки на А. Ф. Иоффе и П. Л. Капицу, если в этих случаях разобраться без национальных эмоций, показывают, что за кулисами спектакля по борьбе с «безродными космополитами» скрывалось нечто более злое, нежели очередной черносотенный рецидив.

Был ли Сталин расистом?

Существует расхожее мнение о том, что генералиссимус был отъявленным антисемитом. Характеристика эта вместе с тем нуждается в нюансировке. В семье Сталина антисемитизм специально не культивировался. В противном случае им были бы заражены и дети. Этого, однако, не случилось. Вспомним, что первой любовью дочери Сталина Светланы был еврей Алексей Каплер, известный советский киносценарист, что первым мужем Светланы был Григорий Морозов, тоже еврей. Вспомним, что и сын генералиссимуса Яков Джугашвили во втором браке был женат на еврейке Юлии Исаковне Мельцер. Будь Сталин проще, носи его национальные антипатии более «животный», примитивный характер, он, думается, нашел бы достаточно веское слово или метод, чтобы воспрепятствовать этим бракам.

Нелишне вспомнить и историю, когда Советский Союз вместе с США при известном сопротивлении Великобритании активно содействовал созданию Израиля. СССР был одной из первых великих держав, признавших новое государство.

Когда начинаешь анализировать бесконечную череду злодеяний Сталина с точки зрения демографической и национальной, приходишь к мысли о том, что Сталин антисемитом был не больше, чем он был, например, антигитарином, антикалмыком, антигрузином, антиприбалтом или антиславянином. В сущности, весь советский народ независимо от национальной принадлежности и вероисповедания был для Сталина лишь оглушенной и ослепленной массой, которую он «прогретал» в нужные ему моменты до критической температуры. Показательны в этой связи слова генерала де Голля, которые он записал в своих мемуарах уже после смерти тирана: «...Революция, партия, государство, война — все это было для него лишь средством власти. И он достиг ее, используя в полную меру собственное толкование марксизма и тоталитарный нажим...»

Преувеличивать личный антисемитизм Сталина значило бы вольно или невольно способствовать распространению воззрения о том, что в трагедиях всех без исключения народов СССР виновата «параноя» во-

ждя, с манией преследования, с чрезмерной гордыней, с антисемитизмом и так далее. Это значило бы за одним грехом не видеть того главного, что вызывало повторяющиеся на протяжении всех лет сталинизма идеологические судороги, из которых борьба с космополитизмом была лишь одной из серии. Это значило бы в конечном счете упрощать Сталина и соответственно обречать преодоление сталинизма на облегченный путь осуждения частных. За всеми всплесками «патриотизма» и антисемитизма, за всеми приступами ксенофобии (после войны в СССР были запрещены браки с иностранцами) у Сталина всегда и во всем стояла капитальная политическая идея. Идеей этой была власть. Власть, полученная не от народа, власть узурпированная, следовательно, защищенная не демократией, а насилием, требовала от вождя и его окружения постоянной бдительности, постоянного поиска врагов. В этом суть всех без исключения трагедий послесталинского периода.

Обыватель видел и видит в шельмовании академика Варги, театральных критиков один из эпизодов «еврейского погрома». Но историк обновляющейся России (а перестройка всех нас сделала историками) не может не усмотреть в кампании борьбы с космополитизмом более широкого явления — погрома идеологического. Е. Варгу громили не за метрики, а за то, что он, ортодоксальный марксист, свято веривший в догму абсолютного и относительного обнищания рабочего класса при капитализме, наблюдая экономическую эволюцию в мире, после второй мировой войны пришел к выводу, что система капитализма способна приспособливаться к изменяющимся условиям и противостоять кризисам. Сталин мог закрыть глаза на «международные браки» своих детей. Политик Сталин не мог простить экономисту Варге того, что не прощал ни русским, ни грузинским, ни еврейским ученым: посягательства на мифы, которые лежали в основе его власти.

Академика Леона Абгаровича Орбели невозможно было уличить в том, что он еврей, однако в 1950 году его, ближайшего сподвижника И. П. Павлова, в разгар кампании борьбы с космополитизмом обвинили в том, что он протаскивает в девственно чистую советскую науку вредные бактерии «менделизма-морганизма». В период 1948—1950 годов отступниками и антипатриотами были объявлены почти все крупнейшие ученые — биологи и физиологи невзирая на лица и фамилии: академики А. Жебрак, П. Жуковский, И. Шмальгаузен, Л. Орбели, А. Сперанский... Враждебной патриотическому павловскому учению об условиях рефлексов была объявлена школа грузинского физиолога академика И. Бериташвили.

Рассыпанные в позднейших мемуарах свидетельства об антисемитском червячке, точившем Сталина, и даже ссылки на документы (как, например, у К. Симонова), не так уж много проясняют. Сталин и его эпоха оставили после себя так много преступных документов и злодейств, что в общем потоке крови советских людей едва ли можно (да и едва ли этично считаться трагической этой кровью) разглядеть крова-

вые ручки тех или иных народов. Сталину нужно предъявлять общий счет за преступление против человечности, а не разрозненные национальные фактуры.

Жупел космополитизма в его руках был таким же политическим оружием, как в более ранние времена троцкизм, левый и правый уклон или «рабочая оппозиция». В своем личном окружении Сталин мог быть весьма терпимым к евреям, выделяя и приближая людей в зависимости не от национальности, а от той утилитарной пользы, которую он мог из них извлечь. В течение долгого времени ближайшим соратником Сталина и членом Политбюро был Лазарь Каганович; виднейшим идеологом периода сталинизма, внесшим заметный вклад в сталинскую школу фальсификации истории, был академик Исаак Израилевич Минц (Госпремии СССР за 1943 и 1946 годы). Многие годы сталинской внешней политикой ведал блестящий советский дипломат Макс Валлах, более известный истории под именем Максима Максимовича Литвинова. Среди любимых кинорежиссеров генералиссимуса (а Сталин очень любил и ценил кинематограф) было много евреев. На первый взгляд убедительно звучит утверждение, что политический террор Сталина был направлен прежде всего против евреев: Троцкого, Зиновьева, Каменева (левая оппозиция). Но, с другой стороны, так называемая «правая оппозиция», с которой Сталин расправился с не меньшей свирепостью, сплошь состояла из русских: Бухарин, Рыков, Томский.

Каннибалы XX века

В Америке тоже громили космополитов. Только за океаном «охота на ведьм» имела не столько национальный, сколько политический привкус — охота велась на «левых», на либералов. Смыкались в одном: и в Москве, и в Нью-Йорке «отстреливали» прежде всего интеллигенцию. Идеология была разной, а свечи гасили одни. В московских газетах громили литераторов, чьи метрики обнаруживали изъяны по «пятому пункту», а в Голливуде свирепствовала Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности, выискивая сценаристов и режиссеров, вздумавших показать русских «с человеческим лицом». Травле подверглись и американские ученые. По оценкам газеты «Нью-Йорк таймс», от 20 до 50 тысяч американских исследователей и инженеров были отстранены от научной деятельности. Среди них было значительное число ученых еврейской национальности, бежавших из нацистской Германии. Известный американский ученый Артур Комптон (теоретик в области электромагнетизма, «эффект Комптона») писал по этому поводу: «Значительное число наших лучших ученых покинули нацистскую Германию, поскольку наука там не была свободной. Я спрашиваю теперь, не повторяется ли эта ситуация в Америке?»

Гонениям подвергалась и часть дипломатического корпуса США, в частности те дипломаты, которые во время войны поддерживали кон-

такты с Советской Россией. В шпионаже в пользу СССР был обвинен даже бывший советник президента Рузвельта, один из организаторов Ялтинской конференции, Алджер Хисс. В Москве кампанией борьбы с космополитами дирижировал генералиссимус Иосиф Сталин. В Америке «охоту на ведьм» раздувал сенатор Джозеф Маккарти. Общими были не только имена. Сталинизм и маккартизм роднят не только суффиксы. У них единая суть: мракобесие, рядящееся в одежды идейного пуританизма; у них общая ненависть — интеллигенция и разум; у них общее оружие — ложь, запугивание, террор. И для того, и для другого идеология — не сумма воззрений, а адская сковорода, которую они раскаляют, чтобы «поджаривать» своих противников.

В первые годы своего диктаторства, когда Сталина никто еще не воспринимал как «гения всех времен и народов», Иосиф Виссарионович проявлял трогательную заботу о своем международном «реноме». Волны расовой ненависти в ту пору исходили прежде всего от Германии. Мировая интеллигенция еще смотрела на Россию как на оплот демократии и гуманизма. В январе 1931 года Еврейское телеграфное агентство из Америки обратилось к Сталину с вопросом о его отношении к антисемитизму. Сталин ответил в свойственной ему немногословной манере: «Национальный и расовый шовинизм есть пережиток человеконенавистнических нравов, свойственных периоду каннибализма. Антисемитизм как крайняя форма расового шовинизма является наиболее опасным пережитком каннибализма. Антисемитизм выведен эксплуататорам как громоотвод, выводящий капитализм из-под удара трудящихся».

Громоотвод нужен был и самому Сталину, и его наследникам.

Возрождение после непродолжительной оттепели неосталинизма потребовало новых, усиленных доз идеологического допинга.

«Отыквление» разума

Несколько лет назад довелось мне побывать на любопытном концерте авангардной музыки. Концерт давался на окраине Парижа в новом культурном центре, построенном на месте бывших скотобоен. И действительно, вокруг все напоминало о старом, совсем не авангардном Париже — низенькие дома, узенькие улочки, крохотные «народные» ресторанчики, сохранившие в названиях аромат той эпохи, когда оптовая мясная торговля еще не была выведена за пределы столицы, — «Бычья голова», «Баранья котлета», «Антрекот»...

Помню, мы вышли с товарищем после концерта с ощущением, что присутствовали при разъятии огромной бычьей туши: вероятно, ухо наше, с детских лет приученное к гармониям Петра Ильича Чайковского, было плохо приспособлено к жестким диссонансам Шенберга и Штокхаузена. Но самое большое впечатление на нас произвел «Концерт для глухой вдовы». Во время исполнения не было издано ни единого звука.

Вздыхались смывки, вдохновенно бегали по клавишам рояля пальцы, надувала щеки группа тромбонистов, металась фалда дирижерского фрака, но в большом зале царил глухая тишина.

Подумалось, что, по сути дела, вся идеологическая работа в период Брежнев — Черненко была «концертом для глухой вдовы», в котором раздутый до гигантских размеров идеологический оркестр исполнял одну патристическую партитуру за другой, а народ, оглушенный непрерывными проработками и указаниями, глухо и презрительно молчал. В сущности, он был низведен до уровня «глухой вдовы», с апатией и бессилием взиравшей на то, как дирижеры идеологического оркестра ставят на пюпитр все новые и новые опусы.

Опусам этим несть конца. Только в сборнике документов «Об идеологической работе КПСС», охватывающем скромный срок нашей истории в десять лет, можно насчитать около 70 разного рода идеологических постановлений «о порядке...», «об устранении...», «о мерах по...», «об улучшении...». Большинству из них, конечно, далеко до ждановского шедевра 1946 года, ошельмовавшего А. Ахматову и М. Зощенку, — этой «9-й симфонии» идеологии. В сравнении с ним все более поздние творения выглядят камерными, почти интимными пьесами для одного какого-нибудь инструмента — для кино, для музыки, для критики, для философии, для науки...

Интеллектуальная пустота этих идейных наставлений может соперничать лишь с моральным падением тех, кто их вдохновлял. Народ укрывался от этого подавляющего волю «охвата» единственно возможным способом: откровенно игнорируя постановление 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма».

И чем меньше мы верили нашим идейным жрецам, тем настойчивее они убеждали нас, что они и мы «самые-самые», что «зато мы делаем ракеты», что в рассуждении балета «мы впереди планеты всей». Чем ниже опускалась страна в бездну безнравственности, всепроникающего хулиганства и воровства, тем щедрее был дождь золотых звезд, тем сильнее хотелось, чтобы нас любила и ценила заграница (раз уж мы устали любить сами себя). И вот уже после каждого дружеского визита, после каждого «эпохального» заявления или очередной «мирной инициативы» журналисты, расквартированные за границей, получали тонкие намеки, что нужно «дать отклик», изобразить восторг, рапортовать о мгновенном и широком одобрении мировой общественностью «важной, исторической инициативы». Удивительный парадокс: борьба с космополитизмом, оплевывание заграничных превратилось в свою противоположность — в заискивание перед иностранцем в самом дурном «интуристовском» вкусе. Ну как не воздать «похвалу глупости», которая не устает преподносить нам все новые и новые сюрпризы!

В «Беседах о том, что есть сын отечества» великий Александр Радищев писал: «Имя сын Отечества принадлежит человеку, а не зверю или скоту или другому бессловесному животному».

Всякий раз, когда власть предрержающие начинали ощущать опасность своим привилегиям, они вели атаку на разум, на просвещение, стремясь низвести человека до состояния бессловесного существа. Борьба с космополитизмом была лишь одной из разновидностей борьбы с разумом. Сталинские и ждановские идеологические садовники не изобрели ничего нового: они действовали по принципу, описанному в сатире Сенеки на смерть императора Клавдия «Отыквление», стремясь превратить вместо лице разума в сосуд для семечек.

Есть два способа удерживать контроль над народом. О терроре мы уже слышали много. Но террор для власти — оружие обоюдоострое. Опыт террора в России свидетельствует о том, что он рано или поздно оборачивает свое жало против самих же властителей и террористов. И в этом смысле брежневское и сусловское «отыквление» разума было безопаснее. Борьба с космополитами как с людьми, «подключенными» не только к национальной культуре, но и к мировым потокам мысли, была таким образом одним из методов самосохранения деспотической власти, понимавшей, что самый могущественный враг тирании есть разум. Когда Екатерина II во время Французской революции требовала от русского посла во Франции Смолкина, чтобы тот ускорил выезд русских из Парижа, ею владел панический страх, что идеалы революции вселятся в умы русских космополитов и доберутся до России. Стремление Сталина уничтожить после войны «перемещенных лиц», его подозрительность к военнопленным, гонения на русских эмигрантов, вернувшихся после войны из патриотических соображений в Россию, — все это продиктовано тем же страхом перед мировым опытом и мировым разумом.

Кстати, ждановские идеологи извратили и само понятие «космополит», насытив его ядом ненависти. Вместе с тем и в европейской, и в русской классической традиции под космополитизмом подразумевалось совсем иное: приверженность идеям всемирного братства и разума. Космополитами были Эразм Роттердамский, французские философы-просветители, Гейне, Гете, Чаадаев, Герцен, Карамзин... Российский «патриот» Николай I не пускал за границу Пушкина, бывшего по универсальности своего духа европейцем и страдавшего от навязанного ему патриотического домоседства. Владимир Ленский, один из самых поэтичных героев Пушкина, — характерный представитель русской космополитической молодежи середины XIX века — «с душою прямо геттингенской».

В романе Ромена Роллана «Жан-Кристоф» под космополитами имеется в виду интернациональное общество, собиравшееся в Париже. Русские революционеры, подолгу жившие в эмиграции и вращавшиеся в интернациональной среде, были, в сущности, космополитами. В представлении левой западноевропейской интеллигенции понятия «космополит» и «социалист» фактически идентичны. Известный английский писатель Герберт Уэллс во время беседы со Сталиным 23 июня 1943 года гово-

рит: «Я много занимался последние годы и много думал о необходимости пропаганды идей социализма и космополитизма...»

В истории России были периоды, когда умная власть широко пользовалась мировым опытом разума и культуры для блага и усиления отечества. Традиции космополитизма заложил Петр I своим «Великим посольством». Можно спорить относительно методов, которыми Петр I насаждал в России космополитизм, но свет и разум, который лился в Россию через прорубленное Петром «окно в Европу», может вызывать страх лишь у самых непримиримых поборников «национального отчуждения».

Замечательным свидетельством культурного и духовного единения России и Европы являются «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. Известные советские историки культуры Ю. М. Лотман и Б. Успенский писали о том, что после Петра русский путешественник перестал быть «любопытным скифом» в чуждом ему мире цивилизации. Многочисленные «русские путешественники» обнаруживают, что «Европа не была ни спасением, ни гибелью России, она не отождествлялась ни с Разумом, ни с Модой, ни с идеалами, ни с развратом, она стала обыкновенной, понятной, своей, а не чужой». Вся концепция взаимосвязей России и Европы у Карамзина вытекает из веры в единство путей развития человечества.

Напрасно пугают нас сторонники сидения в русских теремах опасностью размывания национальной культуры. Замыкание в узких рамках национального ведет не к укреплению, а к оскудению культуры и в конечном счете к ее унижению. Петр Чаадаев имел основания острить по поводу манеры К. Аксакова одеваться до того по-русски, что на улице его принимали за персиянина. Исследования последних лет, проведенные ЮНЕСКО по национальной самобытности, указывают на то, что взаимное обогащение культур служит не оскудению, а развитию национальной культуры и сознания. На это же обстоятельство ранее указывали крупнейшие русские мыслители: Ф. Достоевский, Н. Бердяев, Н. Федотов, В. Вернадский. Один из героев Ф. Достоевского, через которого писатель высказывает многие свои мысли, Версилов, говорит: «Русский... получил уже способность становиться наиболее русским именно лишь тогда, когда он наиболее европеец... Я во Франции — француз, с немцами — немец, с древним греком — грек, и тем самым, наиболее русский. Тем самым я — настоящий русский и наиболее служу для России...»

Зря пугают нас выпущенные в эпоху идеологического оскотеления справочники, что, дескать, «космополитизм является оборотной стороной агрессивного буржуазного национализма и враждебной противоположностью пролетарского интернационализма». Шельмованию человека, слов и идей наступает конец. Мракобесие еще таится в складках наших старых одежд. Еще цел оркестр, оглушавший нас на протяжении десятилетий «концертами для глухой вдовы». Сыскались бы и солисты...

«Вечная память и слава Верховному Главнокомандующему великой армии труда! Простите, товарищ Сталин, что допустили сегодняшнее. Уверены, что правда истории восторжествует...» — записала в книге отзывов Нина Андреева, совершившая недавно паломничество в музей Сталина в Гори.

К счастью, в обновляющейся России растут новые силы. Размышления М. С. Горбачева с трибуны ООН о «верховенстве общечеловеческой идеи», о нелепости «закрытых обществ», о многовариантности общественного развития возрождают традиции русского просвещения. На смену идеологии разобщения идет философия единства.

НЕ ПЛАКАТНЫЙ ГЕРОЙ

Нержавеющий символ

Весной 1937 года с соблюдением всех возможных и невозможных предосторожностей и секретностей из Москвы в Париж был отправлен железной дорогой специальный транспортный конвой, который вез «секретное оружие» Сталина — скульптурную группу В. Мухиной «Рабочий и колхозница». На Всемирной выставке 1937 года в Париже «Искусство и техника нашего времени» она должна была символизировать могущество Страны Советов.

Это было время восторгов перед новой техникой. В Москве полным ходом идет строительство всячего Крымского моста по проекту инженера Б. Константинова (архитектор А. Власов). По другую сторону океана в апреле 1937 года в Сан-Франциско открывается самый длинный в мире мост «Золотые ворота» — тоже, кстати, висячий. Мексиканский художник Диего Ривера, воспевая сплав ума и мускульной силы, создает в одном из цехов завода Форда в Детройте гигантскую фреску, воспевающую труд рабочих на поточной линии автомобильного гиганта. А. Дейнека в это же время готовит эскизы для смальтовых мозаик подземного вестибюля станции метро «Маяковская». Тема: трудовая доблесть советских людей, спорт, Осоавиахим. Никогда еще прославление труда, мускульной красоты, технического прогресса не было столь настойчивым и столь искренним, как в эти месяцы работы Всемирной выставки в Париже, когда до начала второй мировой войны оставалось 28 коротких месяцев. Гитлеровский Люфтваффе уже испытал в Испании свои «хенкели», жертвы которых (1500 убитых и 1000 раненых) будут протягивать к посетителям Всемирной выставки свои искалеченные руки с написанной по свежим следам трагедии картины Пикассо «Герника».

Сталин принимает решение продемонстрировать Европе другие символы. Волей случая советский павильон оказывается на Всемирной

выставке лицом к лицу с германским. Мухинские «Рабочий и колхозница» вздымают в парижское небо символы Страны Советов — серп и молот, бросая вызов черному орлу, украшавшему фронтон павильона нацистской Германии. В те дни в Париже велось много споров о том, чей павильон внушительней, выше, чьи символы сильнее. Спор решился через восемь лет, в 1945 году. Серп и молот повергли свастику и орла. Но победа советского символа далась народу тяжелой ценой. Жертвы СССР составили около 38 процентов всех жертв второй мировой войны. Мы потеряли убитыми «рабочими и колхозниками» в три раза больше, чем фашистская Германия.

Символична судьба самой мухинской скульптуры. После окончания Всемирной выставки она была разрезана автогеном и увезена в СССР. Установлена она была лишь два года спустя в удалении от центра Москвы, на малозаметной площадке перед северным входом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку. Есть свидетельства тому, что Сталин отнесся сдержанно к мухинскому шедевру, когда решался вопрос, быть ему символом Страны Советов на выставке или не быть. В одну из московских ночей 1937 года черный лимузин привез «вождя мирового пролетариата» на завод, где монтировалась из кусков нержавеющей стали известная теперь всему миру скульптура. Человек в солдатской шинели и сапогах постоял несколько минут, глядя снизу вверх на тускло поблескивающие груды стальных мускулов, повернулся и, не сказав ни слова, пошел к поджидавшему его автомобилю. Почувствовал ли он в этот миг свое ничтожество, свою незначительность перед созданным гением художника образом советского рабочего? Об этом можно только гадать.

Свой взгляд на рабочий класс, именем которого он укреплял свою диктатуру, Сталин с поразительным даже для него цинизмом высказал в 1945 году на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы. Там-то впервые и прозвучало это памятное нам слово «винтик».

Однако сложная, противоречивая судьба рабочего класса Советской России началась много раньше.

В известной советской песне «За фабричной заставой» есть слова:

Парню очень хотелось

счастье в жизни узнать,

За рабочее дело он ушел воевать...

Десятки тысяч рабочих, ушедших на фронты гражданской войны, не вернулись к станкам. При чем речь шла о самых сознательных рабочих, о добровольцах или мобилизованных большевиках, о тех, кого Ленин называл авангардом рабочего класса. Нелегким было и положение рабочих, оставшихся на заводах.

Один из первых советских экономистов, член Президиума ВСНХ Ю. Ларин, в докладе на съезде политпросветов в ноябре 1920 года сетует, что «в 1919—1920 годах средняя выработка одного рабочего за год

составляла 45 процентов того количества всяких предметов, какие являлись результатом его работы до войны». Резко падают заработки рабочих: в 1922 году они достигают лишь 30% средней зарплаты рабочего в 1913 году. Недовольство рабочих выражается не только «волынккой» на производстве, но и в привычных еще в те годы формах стачечной борьбы. В Смоленском партийном архиве имеются многочисленные донесения агентов ГПУ о недовольстве рабочих, о забастовках. Причина состояла в резком ухудшении материального положения. Появилось и еще одно, совсем уж новое обстоятельство. Принуждение к труду. В дореволюционной России, как, впрочем, и во всех других странах, рабочие, часто за мизерную зарплату, тем не менее «продавали» свой труд добровольно на «рынке труда». В условиях военного коммунизма выдвигается идея трудовых армий. Фактически речь идет о милитаризации труда. Трудовые армии, как свидетельствует «История КПСС», были созданы на Украине, Урале, Северном Кавказе, под Петроградом, в Среднем Поволжье. Одним из теоретиков подневольного труда выступает Троцкий. На III Всероссийском съезде профсоюзов в апреле 1920 года он рассуждает: «Верно ли, что принудительный труд всегда непродуктивен? Мой ответ: это наиболее жалкий и наиболее вульгарный предрассудок либерализма». К сожалению, на IX съезде РКП(б) проповедуемая Троцким мысль о том, что каждый должен считать себя «солдатом труда, который не может собой свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если он не выполнит — он будет дезертиром, которого карают», не встречает принципиального отпора.

Брожение среди рабочих вынуждает власть «укреплять» и партийные ячейки на заводах и фабриках. Отражая недовольство рабочих, «Правда» писала в 1923 году: «Ячейки и отдельные партийцы в глазах рабочих всегда выступают как защитники администрации, увеличения норм выработки, всякого рода отчислений. Каждый коммунист считает своей обязанностью во что бы то ни стало оправдать в глазах рабочего всякую, даже явную несправедливость».

Волна забастовок прокатывается по заводам и фабрикам Москвы, Петрограда, Тулы, Брянска, растекается по провинции.

Партийные пропагандисты объясняли население забастовки по простой и ставшей скоро привычной схеме: либо происками меньшевиков, эсеров и даже монархистов, либо несознательностью самих рабочих. На XI съезде РКП(б) весной 1922 года Зиновьев заявляет: «Рабочий класс в силу перипетий нашей революции деклассирован». Александр Шляпников, нарком труда в первом Советском правительстве, бросит в президиум горькую реплику: «Разрешите поздравить вас, что являетесь авангардом несуществующего класса».

В результате гражданской войны, бегства от голода в деревню численность кадровых рабочих к 1920 году сократилась до 700 тысяч. Разумеется, ни Ленин, ни большая часть старой большевистской гвардии, призывая в 1918 году рабочих и солдат к разгону «самого демократиче-

ского буржуазного парламента» (так Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» сам охарактеризовал Учредительное собрание), не предполагали, что рабочий класс наряду с интеллигенцией понесет такие жертвы. Трагическую судьбу русского рабочего интуитивно чувствовал такой глубокий знаток рабочей жизни, как М. Горький. Из близких к Ленину людей он одним из первых увидел в разгуле революционной нетерпимости опасность для пролетариата. Еще 11 января 1918 года в статье «Интеллигенту из народа» пролетарский писатель предупреждал, обращаясь к газете «Правда»:

«Социальная революция без пролетариата — нелепость, бессмысленная утопия, а через некоторое время пролетариат исчезнет, перебитый в междоусобице, развращенный той чернью, о которой вы говорите. Пролетариат без демократии висит в воздухе, вы отталкиваете демократию от пролетариата».

Введенный по инициативе Ленина нэп преследовал цель не только окончательно покончить с иллюзиями военного коммунизма и перевести хозяйство страны на нормальный экономический круговорот, но и предотвратить «отталкивание пролетариата от демократии». Сталинские фальсификаторы истории, шельмуя ленинские идеи, старательно внедряли в сознание масс, что нэп нанес ущерб интересам пролетариата. Фактически же дело обстояло как раз наоборот. Можно сказать, что именно нэп спас российский пролетариат. Разделение партийной и хозяйственной власти дало быстрые результаты. Прекратился развал промышленности, снова заработали фабрики и заводы. Возродилась дисциплина. И не при помощи угроз и призывов к пролетарской сознательности, а введением реальной денежной оплаты за реальный труд взамен расчетов натурой. В результате за три года производительность труда удвоилась — случай уникальный за всю историю советской экономики.

Возросли заработки — они превысили даже довоенный уровень. С ростом достатка населения власти стали ослаблять и идеологическое давление. В стране увеличивается число независимых издательств. Множится количество журналов, альманахов. В Москве свободно работает Академия духовной культуры. Лекции читают известные русские философы, исповедующие разные взгляды: Бердяев, Вышеславцев, Степун. В городах словно по мановению волшебной палочки сотнями открываются дорогие и дешевые рестораны, трактиры, закусочные. Рабочие клубы устраивают вечера с буфетом. Возрождаются профсоюзы, причисленные ранее к «государственным организациям». Партия, постигая ту истину, что тотальный контроль над демократией оборачивается экономическим крахом и разгулом насилия, ориентирует союзы рабочих на «защиту интересов трудящихся масс в самом непосредственном и ближайшем смысле слова». В том числе и от «бюрократического извращения» госпарата.

Начавшийся после смерти Ленина демонтаж нэпа подрубил надежды на укрепление экономического достоинства рабочих и в конечном счете надежды на реальное участие пролетариата в политике.

Энергия великих строек

Положение рабочих с откатом энэпа и началом ускоренной индустриализации заметно ухудшается. Огромный приток крестьян, бегущих от насильственной коллективизации, резко обостряет жилищный кризис городов. Начинается новый круг «уплотнений». Разорение деревни, сокращение крестьянской запашки, свертывание мелкооптовой и розничной частной торговли приводят к деградации продовольственного снабжения. Обобщественный сектор в оптовой торговле составляет уже почти 100 процентов, в розничной — около 90. Исчезают дешевые трактиры, чайные, народные «обжорки», где можно было просто, но сытно и недорого поесть.

Вместо них в городах, на местах «великих строек» начинают действовать рабочие столовые, управляемые «государственной сферой обслуживания». В романе «Энергия» Федор Гладков описывает рабочую столовую на строительстве Днепрогэса, заложенного в 1927 году: «Я бываю на фабрике-кухне, и меня тошнит от одного вида гнусного ядева. Я бываю на участках работ, куда пища привозится в термосах. Это синяя болтушка смердит трупом и выгребной ямой. Рабочие предпочитают хлеб с водой».

Но рабочие сознательно шли на жертвы и лишения. Цифры первого пятилетнего плана пьянили воображение. Лозунг «Пять в четыре» подхватывается в декабре 1929 года съездом ударников. Энтузиазм захлестывает страну. Великие стройки ликвидируют безработицу; кажется, еще одно, последнее усилие — время лишений минует, и за углом сияет обещанное солнце социализма. Страна, подогреваемая миражами успехов (новейшие исследования советских экономистов убедительно показали механизм статистической лжи), все дальше углубляется в лес ирреальностей и мифов.

Выступая на XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 года, Сталин риторически спрашивает делегатов: «Но если в 1929—1930 годах всего лишь 2 процента народного дохода перепадает на долю эксплуататорских классов, то куда девается остальная масса народного дохода?» и сам себе отвечает: «Ясно, что она остается в руках рабочих и трудящихся крестьян... Вот где основа систематического роста материального благосостояния рабочих и крестьян СССР».

Приводя на съезде цифры роста зарплаты, жилищного строительства «плюс наличие широкой сети домов отдыха, санаториев и курортов для рабочих», Сталин поистине рисует фантастическую картину всенародного счастья, которое «обрушилось на страну» в результате первой пятилетки. Сталин настолько уверен в себе, что не считает необходимым даже вычистить собственный доклад от вопиющих противоречий. С одной стороны, «систематический рост материального благосостояния

рабочих и крестьян», а с другой — несколькими страницами доклада выше, товарный выход мяса и сала по сравнению с 1916 годом составил в 1927 году 32,9 процента, в 1928-м — 30,4, в 1929 году — 29,2. Ситуация весьма знакомая: в докладе густо, в желудке пусто.

Сталин может говорить спокойно. Ему уже никто не возразит. Оппозиция раздавлена. Гласность заткнута кляпом страха. Профсоюзы после Шахтинского дела окончательно укрощены.

Место для разжигания первого крупного процесса было избрано не случайно. Донбасс являлся одним из крупнейших в стране пролетарских районов. Профсоюзы в центре были уже низведены до роли приводных ремней политики индустриализации. Но на местах еще продолжали существовать остатки пролетарских традиций. Шахтинский процесс преследовал цель не только ошельмовать специалистов, противопоставить рабочих интеллигенции, но и запугать рабочих, оторвать их от старых профсоюзных вожakov.

«Особенно опасной была попытка вредителей ухудшить материальное положение шахтеров, — излагает нам «История КПСС». — Они занижали заработную плату, срывали строительство жилищ, нарушали правила безопасности труда в шахтах, создавая угрозу для жизни шахтеров...» Шахтинское дело, оказывается, свидетельствовало и «о плохой работе массовых организаций Донбасса, прежде всего профсоюзов».

Такая оценка профсоюзов позволила Сталину окончательно ликвидировать их, впрочем, и без того уже эфемерную независимость. В апреле 1929 года снимается с поста председателя ВЦСПС Томский, член партии с 1904 года, с именем которого у рабочих была связана память о реальной, а не хрестоматийной борьбе за рабочее дело.

Вытеснив из профсоюзов «правые капитулянтские элементы» (так представляет нам дело «История КПСС» 1974 года издания), Сталин поставил во главе ВЦСПС Н. Шверника, ставшего послушным наместником вождя в профсоюзной вотчине. С отстранением Томского и изгнанием его из состава Политбюро профсоюзы в СССР все больше превращаются в кассу социального страхования, в агентство по распределению путевок. Через семь лет, в августе 1936 года, поняв, что рабочее дело, которое он отстаивал в трех революциях, проиграно, а способов борьбы с тираном нет, М. П. Томский покончил жизнь самоубийством.

В сентябре 1927 года Сталин, беседуя с членами первой американской рабочей делегации, объявляет о том, что «монополия нашей партии выросла из жизни, сложилась исторически». В 1927 году, то есть всего через десять лет после революции, такое сужение политического спектра огромной страны едва ли можно было приписать истории. История не знает и не может знать поспешности. Поспешность — свойство людей. Формула «сложилась исторически» была удобна для Сталина, чтобы оправдать первый этап борьбы за власть и затем логически перейти ко второму — концентрации власти в руках одного человека.

Вводя в заблуждение американских рабочих, Сталин руководствовался не интересами рабочих, а факторами политической борьбы за власть. В свете этих факторов ему нужны были не независимые от партийной верхушки профсоюзы, а мягкие мехи для раздувания «социалистического соревнования», ему нужен был не сознательный рабочий, а «нарисованный человек», которому в зависимости от потребности дня можно бы приписывать те или иные свойства.

Нарисованный человек

Впрочем, «новый рабочий класс», который засасывала из разоренной деревни бездонная воронка индустриализации, уже лишается и достоинства и политической роли. Стенограмма Первого всесоюзного совещания рабочих и работников — стахановцев дает представление о том, какая роль отводилась рабочим в созданной Сталиным административно-командной системе. В этом отношении весьма характерно выступление забойщика шахты № 1 «Кочегарка» в Донбассе Ф. Артюхова.

Артюхов: Вчера, после того как мы были у нашего любимого наркома, мы себе сказали, что тем людям, которые не хотят работать по-нашему, надо голову оторвать — и кончено... У нас стахановцы сейчас имеют все привилегии: для них и кино бесплатное, и медицинское обслуживание, и врача на квартиру вызывают, и т. д.

Орджоникидзе: Чего не хватает?

Артюхов: Не хватает, надо полагать, одной вещи. Вот, допустим, врачу нужно позвонить, а телефона нет, нужен телефон. Есть у меня пианино...

Орджоникидзе: Умеешь играть?

Артюхов: Пока не умею, но заверяю любимого наркома, что, раз уголь умею рубать, научусь и играть. Я заверяю всех, заверяю товарища Сталина, что научусь играть...

Было на совещании стахановцев и демагогическое заигрывание с неопытным рабочим классом, и натравливание его на техническую интеллигенцию, и науськивание на поиск врагов.

Л. Каганович: И вот сегодня мы можем сказать врагам: хотите вы, господа капиталисты, и вы, слюнтяи, плюгавые, жалкие лакеи буржуазии, хотите видеть наши результаты, плоды работы большевистской партии? Вот они, в Кремлевском дворце, сидят на этом совещании. (Бурные аплодисменты, переходящие в овацию. Все встают. Крики «ура».)

А. Жданов: На некоторых наших предприятиях стахановское движение встретило сопротивление со стороны оппортунистических консервативных элементов... Но мы крепко по этим настроениям ударили, одернули, призвали к порядку саботажников стахановского движения, дали им понять, что партия не остановится ни перед чем, чтобы смести

с пути победоносного стахановского движения всех ему сопротивляющихся.

О том, какие методы применялись для похлестывания движения, сулившего, по пророчеству Сталина, «эффект втрое и вчетверо больше», свидетельствуют данные, приводимые на этом же совещании стахановцев. В докладе А. Жданова упоминается о том, что 10 октября 1935 года в Ленинграде было всего 484 стахановца, а 15 октября, то есть всего за пять дней, их «стало» более 14 тысяч. О степени давления на заводы и фабрики можно судить хотя бы по тому, что в эти годы была введена даже специальная форма отчетности «о численности рабочих, вовлеченных в стахановское движение». Сведения надлежало подавать каждые десять дней.

Между тем специалисты, которых, по словам Жданова, «ударил, одернули и призвали», предупреждали, что взвинчивание производительности за счет мускульной силы, ставка только на энтузиазм могут дать лишь кратковременный обманчивый успех, что рекордомания влечет за собой травматизм, снижение качества, что фальшью своей она пагубно влияет на нравственность, ибо рядовые рабочие не могли не видеть, как делаются нужные для «большого скачка» рекорды: за счет создания избранным рабочим особых условий, выделения лучших станков, технического «спецобслуживания».

На фоне наивности рабочих и работниц, спорящих перед светлыми очами вождей за то, кто кого «перестахановит» («Если найдутся работницы, которые будут брать 144 станка, то мы обязательно перейдем на 150. Если кто-либо заявит, что переходит на 150, то мы возьмем 200. Мы свой рекорд никому не отдадим!» — из выступления ткачихи Марии Виноградовой), особенно циничным выглядит не парадное, а реальное отношение Сталина к рабочему человеку. Среди стахановцев было немало таких, которые хотели учиться, стать техниками, инженерами. Отражая стремления этих рабочих, Алексей Стаханов написал в правительство письмо с предложением об освобождении стахановцев от производства на один-два дня в шестидневку для учебы. Сталин написал на документе краткую резолюцию: «т. Орджоникидзе. Дело не серьезное».

Сталин, которого на совещании стахановцев величали мудрым и чутким, видел в рабочем классе лишь пьедестал для памятника себе.

Делая вид, что ему ничего не известно о том, как созданная им административная система выдавливала из масс стахановское движение, Сталин назвал среди главных причин движения отсутствие эксплуатации и улучшение материального положения рабочих. «Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселей. А когда весело живется, работа спорится», — обьявил он.

Жить стало лучше, жить стало веселей

Люди старшего поколения вспоминают, что с середины 30-х годов жить действительно «стало веселей». Восемнадцать лет спустя после революции власти позволили несколько скрасить унылый быт горожан.

На танцплощадки словно по мановению волшебной палочки возвращаются танго и фокстрот, в уличных киосках появляются цветы, в парках культуры и отдыха, к удивлению «непримиримых» борцов против буржуазного влияния, играют джаз-оркестры. В кинематографе царствует трогательная кинокомедия. Летом 1935 года в Москве на Красной площади организуется грандиозный парад физкультурников. Пять тысяч пионеров несут сплетенный из цветов лозунг «Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь». С 1 октября 1935 года наконец отменены карточки на продовольствие. Кажется, что время «худых коров» минуло. От восторгов не может удержаться даже Максим Горький. В отклике на парад физкультурников он пишет в «Правде»: «Да здравствует Иосиф Сталин, человек огромного сердца и ума, человек, которого вчера так трогательно поблагодарила молодежь за то, что он дал ей радостную юность».

Во время совещания стахановцев в Кремлевском дворце Сталин, Жданов, Каганович умильно расспрашивали передовиков о заработках. Обласканные стахановцы рапортовали.

А. Бусыгин (кузнец): В сентябре получили по 500—600 рублей. Ребята довольны.

Е. Виноградова (ткачиха): Мой заработок достигает 600 рублей. Смотрите, как я повысила свою заработную плату!

М. Дюканов (забойщик, парторг участка): За сентябрь я за 16 выходов заработал 1338 рублей.

Со стороны рабочего двора жизнь, однако, выглядела иначе, чем в ЦПКиО или на совещании ударников.

Несмотря на некоторое улучшение жизни городов (главным образом за счет неэквивалентного обмена с деревней), к середине тридцатых годов жизнь рабочих предместий оставалась тяжелой. Стахановцы умилились вождей своими заработками, называя месячные суммы от 500 до 1000 с лишним рублей. Между тем средняя заработная плата рабочего составляла в это время 150—200 рублей. Пенсия — 25—50. При этом рабочих вынуждали подписываться на займы.

В конце 1936 года в Советском Союзе в составе рабочей делегации побывал французский шахтер Клебер Леге. Будучи человеком дотошным, он записывал все, что видел и слышал, в том числе и цены. Вернувшись во Францию, он написал книгу «Французский шахтер у русских», которая и вышла в Париже в 1937 году. Вот какие цены он приводит: белый хлеб — 1 р. 20 коп., мясо — от 5 до 9 руб., картошка — 40 коп., сало — 18 руб., мужские ботинки — 290 руб., сапоги — 315 руб., мужское пальто — 350 руб., детский костюм — 288 руб., мужская рубашка — от 39 до 60 руб.

Не будем утомлять читателя подсчетами. Интересующиеся легко сообразят сами, насколько непростой была задача хозяйки прокормить и обустроить семью. Чем дальше страна уходила от нэпа в сторону «развитого

социализма», тем положение рабочих становилось тягостней. Если в годы нэпа рабочий тратил на питание половину зарплаты, то в 1935 году — уже 67,3 процента.

Нелегким было и положение с жильем. Колоссальный наплыв людей из деревни в города (бежали от голода, от бесправия, от поборов, от разрушения привычного уклада) привел к резкому ухудшению и без того тяжелого жилищного положения. За четыре года индустриализации население городов возросло с 28 до 40 миллионов. А жилье в те годы строили мало.

Мои родители, приехавшие в Москву из голодающей рязанской губернии, рассказывали, с каким трудом им удалось найти на Сивцевом Вражке заваленный мусором, глубокий, заброшенный подвал. Своими руками они расчистили его, привели в более или менее жилой вид и поселились там — дети, старики, взрослые. Потом подвал начали «уплотнять». До сих пор с комком в горле вспоминаю мастерового-сапожника, жившего с женой и четырьмя детьми в углу под лестницей, в отгороженной фанерой каморке без окна, лампочку на грязном шнуре, под которой он с утра до вечера тачал обувь. Умер он, нетрудно догадаться, от водки и туберкулеза. Соседом нам был и рассудительный семейный милиционер, увезенный в одну из ночей в гремящем с лопнувшей рессорой «воронке». Это была реальная жизнь, о которой все знали, но никто громко не говорил.

С середины тридцатых годов, а точнее, с начала стахановского движения, запускается широчайшая по своим масштабам кампания выковывания «нового человека». В сущности своей этот процесс был частью фальсификации истории, предпринятой Сталиным. Для «новой истории» требовалась и новая аудитория. Требовался «новый человек». Ускорить эволюцию сталинская «наука» была неспособна. Оставалось одно — нарисовать этого «нового человека». Были призваны художники, скульпторы, «инженеры человеческих душ». Честные художники, такие, как Булгаков, Зощенко, Платонов, пытались возражать, показывая, по возможности с улыбкой, истинную цену мифа о новой человеческой породе. Помните в «Мастере и Маргарите»?

«— Ну, что же, — задумчиво отозвался Воланд, — они — люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их...»

Но Булгакову велено было замолчать. Зощенко грязно обругали, по поводу Платонова Сталин выразился со свойственной ему категоричностью, написав на полях его книги: «сволочь».

Милосердие, доброта, искренность, честь были отменены как шелуха буржуазной нравственности. Новому, нарисованному человеку — с могучими плечами, сияющей улыбкой, добрым шагом — было приказано стать иным «по форме и по содержанию»...

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки — крылья,
А вместо сердца пламенный мотор...

Нарисованный «простой советский человек» оказался настоящей находкой для созданной при Сталине «административной системы» и ее пропагандистского аппарата. «Нарисованный человек» не требовал жилья, он «не боялся ни жары и ни холода», поскольку «закалялся, как сталь». В силу своей «социалистической сознательности» он не только смиренно сносил очереди, не требовал в отличие от рабов Древнего Рима хлеба и зрелищ, но и отвергал «их нравы». Он не сетовал, не возмущался, когда его именем, «по желанию трудящихся», поднимали цены на мясо, запрещали пиво, уничтожали «рюмочные» или выходной день объявляли рабочим. «Нарисованный человек» по первому требованию своих создателей радостно и гневно клеймил при Сталине «врагов народа». И позднее, когда место «великого друга народов» заняли его наследники, этот «нарисованный человек» после небольшой передышки снова был призван на службу идеологами и пропагандистами застоя, и теперь уже, правда без прежнего энтузиазма, топтал «диссидентов» и писал свирепые письма, требуя изгнания за границу не угодивших властям бардов, писателей и поэтов.

Нарисованный в середине тридцатых годов «хозяин земли» многие десятилетия смотрел на нас с плакатов, пытаясь увлечь нас своей нарисованной энергией, нарисованным оптимизмом и нарисованной верой. Мы привыкли к этим нарисованным рабочим, как привыкли к нарисованным вождям, нарисованному изобилию, нарисованному прошлому и будущему. Но жить нам среди тех и с теми, кого в кровавых муках родила наша история, смысл которой мы так яростно пытаемся разгадать. Постичь истинный смысл истории — значит разыскать и понять человека, украденного у нас мастерами плакатных дел. Утопия кончилась, время искать сапоги.

«— Пухов! Война кончается! — сказал однажды комиссар.

— Давно пора, — одними идеями одеваемся, а порток нету!»

(А. Платонов. «Сокровенный человек»)

«В гостях у социализма»

Помните знаменитое, из Маяковского, из «Рассказа литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру»?

И вот мне
 квартиру
 дает жилищный,
 мой
 рабочий
 кооператив.
 Во — ширина!
 Высота — во!..

 Как будто пришел
 к социализму в гости,
 от удовольствия —
 захватывает дых.
 Брюки на крюк,
 блузу на гвоздик,
 Мыло в руку
 и...
 бултых!

Пока наш нарисованный литейщик пошел «к социализму в гости», попытаемся понять, как же жил и живет другой — платоновский — «сокровенный человек», который к социализму ходит не в гости, а на работу.

К 1940 году жилплощадь на одного горожанина составляла всего 4,5 кв.м (в 1928 году — 5,8 кв.м). Потом ударила война, разрушившая значительную часть и без того скудного жилого фонда. Не исключением, а правилом стало, что семья из 3—4—5 человек ютилась на площади 6—10 кв.м, когда на живую душу приходилось «жилой землицы» едва ли больше, чем на покойника. Мы до сих пор числом разводов, семейными ссорами, замедлением демографического роста расплачиваемся за плоды сталинского изобилия. Чехословакия, по которой тоже прокатился огненный вал войны, имеет жилья 17 кв.м на человека, США — 48 кв.м.

К 2000 году мы только мечтаем довести московскую норму до 9 метров. До сих пор в рабочих общежитиях столицы проживает свыше 250 тысяч человек, из них 40 тысяч семейных. Почти 1,5 миллиона москвичей на рубеже XXI века живут в коммунальных квартирах.

Положение рабочих, однако, не определялось лишь материальными тяготами. Еще в 1930 году Малая Советская Энциклопедия называет паспорт «важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в т. н. полицейском государстве». Однако уже в 1932 году в СССР вводятся паспорта и прописка по определенному месту житель-

ства. «Полицейское воздействие» распространяется на каждого гражданина. Передвигаться по стране можно лишь при наличии паспорта. Крестьянам паспорта не полагались, и они тем самым фактически прикреплялись к земле, становились рабами колхозов и совхозов.

В августе 1932 года принимается жесточайший закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности». Закон предусматривал применение к рабочим и крестьянам «высшей меры социальной защиты» — расстрела, который при «смягчающих обстоятельствах» мог быть заменен на срок не менее десяти лет.

После принятия антирабочего закона 1940 года российский пролетарий, мечтавший принести свободу трудящимся всего мира, сделался рабом трудовой книжки, рабом администрации. Рабочий мог уволиться с завода лишь с разрешения начальства, а такое разрешение давалось далеко не всегда. Зато рабочий мог попасть под суд за несколько опозданий или за прогул в течение одного дня.

Этот варварский закон был отменен 25 апреля 1956 года — два месяца спустя после XX съезда партии. Рабочие получили право менять место работы по своему усмотрению путем простой подачи заявления.

Установление минимума заработной платы (закон от 8 сентября 1956 г.), сокращение на два часа рабочей недели, удлинении оплачиваемого отпуска по беременности, прекращение изнурительных для бюджета семьи займов, введение в июле 1956 года новой системы пенсионного обеспечения — все эти меры позволили улучшить положение рабочих в стране. Но речь шла лишь об исправлении вопиющих отставаний в положении трудящихся.

В сущности же, экономика тотального надзирательства и не могла прокормить и одеть тех людей, на чьем горбу она медленно ползла в гору. Положение трудящихся продолжало оставаться тяжелым, порождая новые экономические и социальные проблемы.

Время от времени эти накопившиеся тяготы и обиды давали трагические, иногда кровавые «выбросы», тщательно скрываемые от общественности охранительными органами и пропагандой. Об одной из таких трагедий уже упоминалось в советской прессе. Речь идет о новочеркасских событиях лета 1962 года. 1 июня 1962 года в газетах было опубликовано сообщение о повышении цен на мясо и на масло (на 30 и 25 процентов). Но эта мера была лишь фоном развернувшихся событий. В сущности, трудящиеся скрепя сердце готовы были признать вынужденность этого шага. Прямым поводом для забастовки на Новочеркасском электровозном заводе послужило другое. Рабочих спровоцировала глупость властей, а точнее сказать, их непрестанный номенклатурный зуд, стремление так выпрыгнуть из штанов, чтобы начальство в Москве заприметило инициативную голову. Еще в апреле 1962 года в области родилась очередная «инициатива» по экономии производственных расходов. Газеты начали немедленно раздувать «почин трудящихся». Осо-

бое рвение проявил Новочеркасский горком партии, выдвинувший «встречный» лозунг — «сберечь по 100 рублей на каждого рабочего в течение года». Но поскольку экономических стимулов и предпосылок для экономии не оказалось, прибегнули к испытанному: понизили расценки. Разгневанные рабочие вышли на улицы города. Демонстранты несли портреты Ленина.

Дальше события разворачивались трагическим образом. Были вызваны войска, пролилась кровь. Прилетевшие в Новочеркасск Микоян и Козлов, успокаивая рабочих, убеждали их в том, что забастовка и волнения в городе — дело рук провокаторов. На какое-то время полки продовольственных магазинов Новочеркасска завалили продуктами. Волнения постепенно улеглись. Потом начались суды...

Характерная черта: в новочеркасских событиях активное участие принимали женщины-работницы и жены рабочих. И это, надо полагать, не случайно. Работающей женщине у нас приходится особенно трудно. Ведь по доле ручного труда мы занимаем одно из «ведущих» мест в мире. А на ручных, неквалифицированных работах в стране занято огромное число женщин.

По нормам, действующим в СССР, женщина за смену может поднимать до 7 тонн, тогда как в Англии и Франции — до 700 килограммов. Женщины у нас строят и ремонтируют дороги, ворочают шпалы, кладут кирпичные стены — делают то, чего не увидишь ни в одной цивилизованной стране. Мы пролили реки крокодиловых слез, возмущаясь по поводу положения женщины в буржуазном обществе:

Очень трудно в Париже
женщине,
если женщина не продается,
а служит...

(В. Маяковский)

И только теперь, в эпоху гласности, стали говорить о том, что нашу экономику мы в течение десятилетий латали, принося в жертву темпам роста женщину. Наша «котлованная» экономика в значительной степени держится за счет женского труда. Мы оторвали женщин от семьи, от детей, от счастья, бросив их в жерло «трудового фронта». Мы единственная страна в мире, где в хозяйстве больше женщин, чем мужчин — их более половины. Такого взлета «равноправия» не достигла ни одна держава. И при этом 4 миллиона женщин уходят в ночную смену, а еще столько же работают в условиях, не соответствующих никаким нормам охраны труда. Трагическим «общим знаменателем» нашей «экологии труда» является то, что по средней продолжительности жизни мы занимаем 32-е место в мире. Советский рабочий живет в среднем на 6 лет меньше, чем его брат по классу в других развитых странах.

Не в последнюю очередь это результат «алкогольной политики». Ленин при всех трудностях восстановления разрушенной экономи-

ки всеми силами поддерживал трезвость. Испытывая крайнюю стесненность в финансах, первое Советское правительство тем не менее не пожелало прибегнуть к «пьяным деньгам». Отвечая сторонникам казенной продажи водки, обещавшим немедленный приток к казну 250 миллионов золотых рублей в год, старый большевик А. Яковлев написал в 1922 году гневную статью «Это не пройдет». Споры о водке вспыхнули вновь после смерти Ленина. Разрешил их Сталин, решительно высказавшись «за»: «Что лучше, кабала заграничного капитала или введение водки?.. Ясно, что мы остановились на водке, ибо считали и продолжаем считать, что, если нам ради победы пролетариата и крестьянства предстоит чуточку выпачкаться в грязи, — мы пойдем и на это крайнее средство ради интересов нашего дела». К 1929 году, несмотря на протесты Н. К. Крупской, продолжавшей напоминать о нравственных заветах Ленина, стране был спущен план по водке — вначале в 41 миллион ведер, затем добавили еще пять.

Однако «чуточку выпачкаться в грязи» не удалось. Алкогольная зараза, в какой-то степени еще сдерживаемая дисциплинарным страхом при Сталине, приобрела характер настоящей эпидемии при «наследниках». При Хрущеве продажа водки выросла в три раза, при Брежнев — в шесть раз. В 1984 году «душа населения» у нас выпивала 17—18 литров. Нетрудно догадаться, что «среднестатистический трудящийся» за счет непьющих женщин, детей и трезвенников «закладывал за воротник» значительно больше. Случайно ли, что в стране рождается столько больных детей и дебилов?

Впрочем, чтобы в течение нескольких десятков лет рыть по стране тысячи «котлованов», рабочие с традициями Путиловского и Обуховского заводов были и не нужны. Нужны были не сознательные рабочие, а «лимитчики» — люди с ограниченным правом, ограниченной квалификацией, ограниченной нравственной ответственностью.

Право на выбор

Демократия и гласность вводят реальную шкалу ценностей, снимая парики с тех, кто десятилетиями рядился в одежды слуг народа. В ходе недавно закончившихся выборов народ ясно заявил, что он не хочет и больше не будет голосовать за «нарисованных людей». И тот факт, что во многих городах и районах страны победу при голосовании одержали рабочие и представители интеллигенции, а не креатуры аппарата, свидетельствует о том, что рабочий класс страны, составлявший большинство избирателей, обретает независимый голос.

По итогам предвыборной кампании «Правда» сетовала, что «на финишной прямой мало осталось рабочих». Однако совершенно справедливо писал по этому поводу в «Литературной газете» московский электрослесарь А. Сперанский: «Обижаться было бы глупо. Стоит задуматься

маться...» «Обнажилась наша беда, которую нечем теперь прикрыть, снижение политического авторитета рабочего человека».

Снижение политического авторитета, о котором размышляет рабочий,— результат долгого господства казенной, показной демократии, бессовестного манипулирования мнением рабочего класса. «Последним доводом,— пишет А. Сперанский,— всегда была фраза «рабочие одобряют». ...Оторвутся на секунду в одном порыве от станков сто миллионов человек, одобряют — и опять работать, работать. Одобряли действия Сталина, Хрущева, Брежнева. И сейчас заверяют, что рабочие двумя руками то за одно, то за другое...»

Едва ли следует драматизировать факт снижения числа рабочих среди депутатов. Намного важнее качество депутатского корпуса, полученного в результате рабочего выбора. Он отражает новую динамику советской демократии, рост политической культуры населения и прежде всего рабочего класса, не пожелавшего отдавать свои голоса за «номенклатурных рабочих», которыми в прежние годы административная система заполняла пустоты демократии. Нужно не восхвалять «нарисованного человека», указывающего другим странам и народам «путь к коммунизму», а возвращать в обществе понимание того, что «каждому народу история задает двустороннюю культурную работу — над природой страны, в которой ему суждено жить, и над своею собственной природой, над своими духовными силами...» (В. О. Ключевский).

Итоги голосования свидетельствуют, на наш взгляд, и о преодолении культивируемого многие годы упрощенного, узкоклассового подхода, когда считалось, что интересы рабочих могут отражать только сами рабочие. В условиях демократизации рабочие быстро смогли определить, кто их действительный защитник в органах власти.

Судьба рабочих и интеллигенции неразделима. Особенно неразделима она у нас, в России, где в силу исторических судеб интеллигенция всегда была близка к народу. Нынешняя же советская интеллигенция в массе своей и вовсе рождена народом, вышла из него. В отличие от Запада, где интеллигент воспроизводит интеллигента, а рабочий — рабочего, наша интеллигенция неэлитарна, а границы между рабочими и интеллигентами подвижны и открыты. Может быть, в этом и состоит наше главное достижение. Рабочие и интеллигенция прожили в судьбе Советской России общую трагедию. Социальная демагогия и социальная утопия породили у нас «нарисованных людей» не только среди рабочих, но и среди ученых, писателей, художников, композиторов, идеологов и партийных работников. В Советскую энциклопедию затесалась целая когорта «кавалеров золотой звезды», выведенных инкубаторским способом. Читатели знают, что несколько не в меру нарумяненных лиц оказалось даже среди делегатов XIX партконференции. Благодаря вмеша-

тельству общественности с них стерли наведенные румянцы, и они из президиумов перекочевали на скамью подсудимых.

Инструменты реальной политики и реальной экономики, вводимые перестройкой — самоуправление, свободные выборы, подряд, аренда, рынок, хозрасчет, — выдвигают на авансцену Советской власти тот «мыслящий пролетариат», о котором некогда мечтал и писал Писарев. И этот «мыслящий пролетариат» вместе с трудовой интеллигенцией при условиях дальнейшего развития демократии и гласности будут занимать в органах Советской власти все более весомое место, вытесняя оттуда «нарисованных людей».

Литературный предшественник «нарисованных людей», «особенный человек» Рахметов, пролежав ночь на войлоке, утыканном гвоздями, вздыхал, истекая кровью:

— Проба. Нужно, неправдоподобно, конечно; однако же на всякий случай нужно. Вижу, могу.

Проба людей на прочность у нас затянулась. Теперь мы уже все, истекиши кровью, вправе воскликнуть: видим, можем!

Пора от испытаний и полигонов, в которые была превращена Россия, перейти к нормальному труду нормальных людей. Пора вместе с Писаревым вспомнить: «Не богадельня, а мастерская может и должна обновить человечество».

СОДЕРЖАНИЕ

Блеск и нищета номенклатуры	3
Концерт для глухой вдовы	16
Не плакатный герой	31

КОСТИКОВ Вячеслав Васильевич

БЛЕСК И НИЩЕТА НОМЕНКЛАТУРЫ

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 30.06.89. Подписано к печати 28.08.89. Формат 70 × 108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отг. 2,28. Уч.-изд. л. 3,19. Тираж 150 000 экз. Заказ № 885.
Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● ЦЕЛЕВЫЕ ВКЛАДЫ НА ДЕТЕЙ

— окажут поддержку детям в самостоятельной жизни.

Эти вклады принимаются на детей до 16 лет независимо от родственных отношений.

По истечении 10 лет хранения вклада и при достижении ребенком 16-летнего возраста доход выплачивается из расчета 4% годовых.

Дополнительные взносы принимаются в любых суммах как наличными деньгами, так и безналичным путем. Частичная выдача сумм из вклада не производится.

Если вклад остается на хранении в учреждении Сберегательного банка СССР по истечении 10-летнего срока и если ребенку исполнилось 16 и более лет, а также в случае досрочной выдачи вклада вносителю, доход выплачивается в размере 2% годовых.

ЦЕЛЕВОЙ ВКЛАД — первый шаг ребенка к самостоятельности.

Лучший помощник в этом деле —
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР!

Правление Сберегательного банка